

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

РУЗИЕВА ГУЛНОЗА АХМАДОВНА

КОНЦЕПТ WORK В ДИСКУРСЕ

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание степени магистра филологии

Специальность:5А-120102

Лингвистика (английский язык)

Работа рассмотрена и
допускается к защите.

Зав. Кафедрой, к.ф.н., доцент
Галиева М. Р

_____
“   “   2014 г.

Научный руководитель:
доктор филологических
наук, профессор ЖУРАЕВ .Б

ТАШКЕНТ-2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	2
Глава I. Ценностный компонент как детерминирующий фактор в формировании содержания лингвокультурного концепта.....	8
1.1 Вопросы разработки понятия “концепт” в современной лингвистике.	
1.2 Концепт, значение и смысл.....	10
1.3. Концепт и понятие.....	15
1.4 «Эмоциональность» и «лингвокультурность» концепта.....	18
1.5 Концепт и структура значения.....	19
1.6 Концепт и знак.....	21
1.7 Выводы по I главе.....	27
Глава II Дискурсивная вариативность концепта work в современном английском языке.....	29
2.1 Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики	42
2.2 Структура концепта “work” и методика его описания.....	44
2.3 Семантическая структура слова work - основного элемента репрезентации концепта.....	50
2.4 Выводы по II главе.....	55
Глава III. Прагматическая направленность речевой стратегии в дискурсе с концептом work.....	58
3.1 Формы и направления речевой стратегии в дискурсе.....	58
3.2 Макроструктурный анализ типов дискурса.....	67
3.3 Выводы по III главе.....	71
4.0 Заключение	73
5.0 Библиография.....	82

ВВЕДЕНИЕ

Предметную область реферируемого диссертационного исследования составляют интегрированные данные лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Лингвокультурология, становление которой связано с трихотомией Э. Бенвениста язык - сознание — культура, акцентирует единство языкового и культурного. Эта дисциплина отражает пристрастность отдельного народа в формировании языковой картины мира, ее связь с наиболее значимыми потребностями, установками, опытом, ценностями определенного лингвокультурного сообщества (Вежбицкая, 1997; Воробьев, 2008; Сепир, 1993).

Сближение лингвокультурологии с когнитивной наукой проявляется, с одной стороны, в становлении лингвоконцептологии, занимающейся исследованием лингвокультурных концептов, что позволяет реконструировать этнические и социальные особенности культуры отдельного народа, а с другой - в признании перспективности когнитивно-дискурсивного подхода для анализа языковых явлений с учетом выполняемых ими когнитивных и коммуникативных функций. Лингвоконцептологи относительно едины в понимании объекта своего научного интереса как некоего культурного смысла, отмеченного этнической специфичностью и находящего языковое выражение (Воркачев, 2005; Карасик, 2005; Слышкин, 2004).

В связи с вышеизложенным актуальность данного исследования обусловлена его включённостью в современную антропоцентрическую парадигму знания, в ее неофункциональный аспект, в котором основные функции языка - общение и «обобщение», то есть познание мира - сосуществуют в непрерывном согласовании. Актуальность проведённого исследования предопределена и недостаточной изученностью сущностных свойств лингвокультурных концептов, а также пристальным вниманием

учёных к проблемам функционирования таких концептов в различных типах дискурса. Более того, несмотря на стойкий интерес к различным аспектам изучения вербального описания трудовых отношений в различных лингвокультурных сообществах, всё ещё отсутствуют специальные работы о социально и культурно значимом концепте WORK и его вариативном содержании, обусловленном дискурсивными факторами.

Объектом исследования является концепт WORK, представленный лексико-фразеологическими единицами английского языка.

В качестве **предмета** исследования избрана дискурсивная вариативность содержания концепта WORK в американском «производственном» романе и рекламных объявлениях о найме на работу.

Цель исследования заключается в выявлении и описании механизма, а также особенностей содержательной вариативности концепта WORK в зависимости от его топологической характеристики.

Поставленная цель потребовала решения ряда конкретных **задач**:

1) проанализировать специфику категоризации особого, оценочного, типа, выявить её возможности для создания дополнительной континуальности и изменчивости категориального пространства в сознании человека;

2) представить типологические особенности лингвокультурного концепта, детерминирующие его содержание;

3) сопоставить когнитивные структуры, представленные в лингвокультурном концепте с другими форматами знаний — стереотипом и имиджем, - для выявления специфики каждого из них;

4) сформировать корпус лексико-фразеологических средств, объективирующих концепт. WORK в системе языка, проанализировать его семантический потенциал с целью выявления познавательных структур, стоящих за семантикой языковых единиц;

5) провести дискурсивный анализ лингвокультурного концепта

WORK в американском «производственном» романе и в рекламных текстах о найме на работу в американские компании;

б) выявить и описать характер вариативности содержания концепта WORK в двух типах дискурса, представить объяснительную основу такой вариативности.

Теоретическую базу настоящего исследования составляют:

1) теории оценки и оценочной категоризации, которые акцентируют существование интерпретирующего (оценочного) типа категоризации наряду с языковым типом (Арутюнова, 1999; Болдырев, 2009; Вольф, 2002);

2) основные положения лингвокультурной концептологии, сформированные в единстве трёх составляющих: языка — сознания — культуры (Алефиренко, 2006; Воркачев, 2005; Карасик, 2005; Ощепкова, 2006; Слышкин, 2004);

3) теория дискурса и базовые положения когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, в соответствии с которыми дискурс предстаёт особой формой использования языка, а все языковые явления могут изучаться только в непрерывном согласовании выполняемых ими когнитивных и коммуникативных (прагматически ориентированных) функций (Демьянков, 2007; Кубрякова, Цурикова, 2004);

4) некоторые положения теории мотивации, важнейшим из которых является утверждение о том, что ценностная картина мира детерминируется потребностно-мотивационной сферой человека (Асмолов, 1990; Маслоу, 1984).

Материалом исследования послужили произведения американского писателя А. Хейли, представителя жанра «производственного» романа, и отдельные романы Дж. Гришема, мастера юридического триллера, убедительно описывающего корпоративную культуру американских адвокатских контор и деловых фирм. В качестве материала исследования использовались рекламные объявления о найме на работу работодателей

США, публикуемые в еженедельном журнале The Economist (2007-2008 гг.). В глобальной сети Интернет на электронном ресурсе www.job.com. Источником языкового материала явились также толковые, этимологические, синонимические, фразеологические, энциклопедические словари и тезаурусы английского языка и американского варианта английского языка. Корпус анализируемого в диссертационном исследовании материала составляет более 3500 примеров текстовых реализаций, актуализирующих концепт WORK. Объект, предмет, цель исследования и поставленные задачи обусловили выбор применяемых приёмов и методов. Так, для описания содержания и структуры концепта WORK на различных этапах его реконструкции применялся метод семантического анализа, конкретизированный в форме компонентного и дефиниционного анализов. Когнитивный анализ проводился с целью выявления структур знания, признаков концепта, актуализированных языковыми формами. В работе использовался контекстуальный анализ, а также концептуальный анализ. На определённых этапах целесообразным представлялось обращение к приёму количественных подсчётов.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые реконструкция концепта предпринята в разных, но тематически соположенных типах дискурса, что позволяет уточнить механизм и возможности варьирования содержания концепта в зависимости от топологии его бытования. Кроме того, впервые содержание концепта WORK в контексте рекламного дискурса выводится путём обращения к метафорической модели торга.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что оно вносит определенный вклад в дальнейшее становление когнитивно-дискурсивной парадигмы, которая в настоящее время, хотя и признаётся наиболее перспективным направлением в лингвистике, еще не является окончательно сложившейся. Обращение к оценочной категоризации как механизму дискурсивной вариативности

концепта, с одной стороны, способствует расширению знаний о содержательной стороне концепта, а с другой - подтверждает правомерность тезиса о том, что дискурсивная деятельность человека является отражением в формах коммуникативного поведения ценностной картины мира.

Практическая ценность работы заключается в том, что её теоретические положения, материал и выводы могут быть использованы при разработке лекционных и практических курсов по лингвокультурологии, лингвоконцептологии, теории дискурса, а также при написании студенческих выпускных квалификационных и курсовых работ по филологии. Результаты диссертационного сочинения могут найти применение при составлении рекламных текстов о найме на работу, с учётом ценностных доминант в образе мира работодателей и потенциальных соискателей предлагаемых вакансий. Положения, выносимые на защиту: 1. Оценочная категоризация, являющаяся отражением интерпретирующей функции человеческого сознания, одной из форм проявления его опыта, знаний и оценок, выступает детерминирующим фактором создания механизма, оказывающего влияние на варьирование содержания лингвокультурных концептов в различных типах дискурса. 2. Когнитивная структура лингвокультурного концепта WORK, средством репрезентации которого в системе языка является абстрактное имя, представляет собой когнитивную матрицу, компонентами которой выступают когнитивные признаки собственно концепта WORK, концептов LABOR и JOB.

Содержание концепта WORK, таким образом, характеризуется релятивностью, что сближает его в этом плане с модусными концептами, имеющими связи с несколькими компонентами концептуальных областей, которые служат источниками их содержания. 3. Вариативность концепта WORK базируется на признании принципа многовариантности и многопричинности явлений действительности, что предполагает, что одно

и тоже ментальное образование может актуализировать и формировать из уже имеющихся когнитивные признаки концепта. Соответствующие целям и условиям конкретного типа дискурса. 4. Концепт WORK подвергается стереотипизации в дискурсе «производственного» романа, становясь средством направленного воздействия на сознание и, в конечном счете, на поведение индивида и целых социальных групп. 5. Концепт WORK в рекламном дискурсе приобретает характерные черты имиджа как когнитивной структуры знания, формируемой на базе стереотипизированных черт этого концепта, заимствованных из различных сфер действительности, в том числе из художественной литературы, и переосмысленных в рамках метафорической модели торгога.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования и полученные результаты обсуждались на совместном заседании кафедры и кафедры. Они были изложены в виде докладов на двух Международных научно-практических конференциях «Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике», проводившихся в ХМ Международной научно-практической конференции «Лингвистические парадигмы и лингводидактика», Основные идеи и выводы диссертации отражены в V публикациях общим объёмом 1 п. л., две из них вышли"и в научных изданиях.

Структура работы. Диссертация общим объёмом в 88 страниц состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (более 60 наименований на русском и английском языках), списка используемых словарей, тезаурусов, энциклопедий (более 30 наименований).1 ТАЛИЦА И 2 СХЕМЫ..

Глава I. Ценностный компонент как детерминирующий фактор в формировании содержания лингвокультурного концепта.

1.1 Вопросы разработки понятия “концепт” в современной лингвистике.

Несмотря на значительное количество исследований в области концепта, которые в последнее десятилетие сыплются, словно из рога изобилия, чёткого понимания того, что такое концепт и к чему он относится, нет до сих пор, равно как нет единой методики их исследования.

Подавляющее большинство работ по концепту проводит разделение концепта на «ядро и периферию» как само собой разумеющееся, хотя единого критерия такого разделения не существует. Одни исследователи пользуются статистическим критерием: наиболее часто встречающиеся признаки относятся к ядру, менее частотные — к периферии (Алексеева 2003; Евтушок 2004; Контримович 2005; Степанова 2004; Фетисова 2005), хотя результаты статистического анализа в высокой степени зависят от характера иллюстративного материала и возможностей его отбора. Другие исследователи рассматривают как ядерные наиболее устойчивые признаки, которые сохраняются в концепте с течением времени (эволюция концепта) (Боброва 2005; Елохова 2006); также к ядру относят этимологический критерий слова, которое служит именем концепта (Степанов 2004); можно встретить рассмотрение ядра как «наиболее яркой образной составляющей концепта» (Карасик, Слышкин 2001; Звада 2003).

Термин *Концепт* в отечественной науке впервые ввёл философ С. А. Аскольдов-Алексеев, который трактовал «концепт, или общее понятие как мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (Аскольдов-Алексеев 1997: 269). Это определение взял за основу Д. С. Лихачев, который ввёл понятие концептосферы (Лихачёв 1993). Но, в отличие от С.

А. Аскольдова-Алексеева, он считает, что, во-первых, концепт существует для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и, во-вторых, предлагает «считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения (алгебраическим обозначением). Которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его» (Лихачёв 1993: 4). Одно из центральных понятий когнитивной лингвистики до сих пор остаётся весьма неясным и противоречивым, причём приписываемые ему разными исследователями свойства являются, зачастую, взаимоисключающими. Концепт это одновременно категория, единица и структура, характер которой одновременно индивидуальный и общественный. Идея, «включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия» (Степанов 2004). «Абстрактное научное понятие, выработанное на базе житейского понятия» (Соломник 1995: 241); «личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения» (Лихачёв 1993: 281). «Оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» (КСКТ 1995: 90); «связность понятия, явленная в своих содержательных формах — в образе, понятии и в символе» (Колесов 2004: 19; «объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера», имеющее индивидуальную природу (Залевская 2005: 24); изменениям (см. работы по эволюции концепта), считается, что концепты способны к самоорганизации и взаимодействию в составе образуемой ими концептосферы. Гипостазирование, конечно, может применяться как приём в художественных произведениях, где переплетается правда и вымысел, но в научных рассуждениях оно едва ли уместно. Последствия подобного заблуждения могут быть весьма тяжкими, в чём мы можем убедиться на

примере концепта, когда абстрактному научному понятию, в силу склонности к гипостазированию, приписывают свойства реальной сущности.

1.2 КОНЦЕПТ, ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ

В ряде работ концепт связывают со значением, состоящим из сем, которое представляет в речи некоторые когнитивные признаки, образующие содержание концепта (Стернин, 2004). Такое определение подразумевает существование концепта как части значения: семы (признаки, из которых, как принято считать, состоит значение или смысл) представляют некоторые когнитивные признаки, образующие содержание концепта, из чего естественным образом следует, что какие-то компоненты значения могут образовывать содержание концепта, а какие-то — нет; значит, исследование концепта должно сводиться к описанию сем, существенных для исследования, тех, которые способны составлять содержание концепта. Однако, каков критерий их отбора? Широко распространённая в публикациях по отечественной когнитивной лингвистике тенденция к исследованию концепта посредством анализа словарных дефиниций соответствующего концепту слова.

Гипостазирование — (от греч . *hypostasis* — сущность, субстанция) — логическая (семантическая) ошибка, заключающаяся в о предмечивании абстрактных сущностей или отношений. В приписывании им реального, предметного существования, часто оказывается подменой термина *значение*, как он понимался в структурализме, термином *концепт* без каких-либо принципиальных методологических сдвигов, что, не в последнюю очередь, обусловлено аксиомой о прямом соответствии структур языка структурам сознания и мышления (Кибрик 1994; Gibbs 1995; Langacker 1999; Palmer 2003; Гивон 2004 и мн. др.).

Если обратиться к словарям в поисках лексемы *сердце*, можно найти ряд толкований, некоторые из которых окажутся общими для нескольких

языков. То, что мы получим в результате сопоставления данных толковых словарей, признаки наиболее общего характера (полученная картина может измениться при сопоставлении специальных словарей или справочников: технического, медицинского и т.п.) можно назвать понятием, учитывая опять же, что содержание словарной дефиниции определяется тематикой словаря, господствующей в обществе идеологией, опытом и взглядами его составителей. Универсальность такого понятия представляется достаточно условной.

Следовательно, поставить знак равенства между семантикой слова и концептом, знаком которого это слово выступает, не совсем справедливо. Иначе говоря, концепт не есть значение в традиционном его понимании.

Есть исследователи, определяющие концепт как смысл (Павиленис 1983). В подходе А. Вежбицкой, например, сущность, называемая концептом, рассматривается как «количественная характеристика» смысла, «концепт-минимум» и «концепт-максимум».

Концепт-минимум — неполное владение смыслом слова, которым обладает рядовой носитель языка, для которого реалит, соответствующая концепту, известна, но является периферийной. Концепт-максимум — полное владение смыслом слова (Вежбицкая, 1996). При этом автором отмечается нечеткость и широкая вариативность подобной трактовки.

Ж. Ф. Ришаром концепт рассматривается как «базовая когнитивная сущность, позволяющая связывать смысл со словом, которое мы употребляем» (Ришар 1998: 15). Как следует из приведённого определения, Ж. Ф. Ришар признаёт раздельное существование смысла, слова и концепта, которые, тем не менее, оказываются каким-то образом связанными, чем и вызваны методологические трудности подхода: мы оказываемся перед необходимостью дать ответы на вопросы о том, что такое смысл, как он связывается с концептом, как и где существуют смысл и концепт.

Концепт, очевидно, не укладывается ни в рамки значения, ни в рамки

смысла в традиционном их разведении: положение о том, что концепт есть смысл, который можно описать в количественных терминах (минимум и максимум), предполагает сугубо индивидуальную природу концепта (системы концептов) существующего, как и язык, в индивидуальном сознании (Баксанский 2005; Борухов 1991; Casad 1999; Langacker 1999), и как тогда быть с концептом предметов (БСЭ, 1974), т.е. определению традиционной логики. Можно ли говорить о понятии как части концепта, на чём • сходятся во мнениях многие исследователи (Апресян 2001; Карасик 2002, Кубрякова 1992, Лихачёв 1993, Телия 1996, Чернейко 1997 и многие другие исследователи).

Если мы разделяем понятие и концепт, то как они существуют и соотносятся? Слово *свинья* значит одно для учёного, другое для ветеринара свинофермы, третье для городского жителя, который свиней видит разве что на коробках со стиральным порошком марки *Dosia*, четвёртое для мусульманина, религия которого говорит: «Свинья — грязное животное» (что, кстати, актуально и для людей, не обязательно мусульман, которые живых свиней в глаза не видели, но называют свиньёй человека неряшливого и неопрятного). Будет ли для всех них понятие о свинье, в ненаучном его (понятия) смысле, единым, а концепт свиньи — разным? Наконец, встаёт вопрос об онтологии понятий: как понятия образуются? Двухлетние дети без особых затруднений узнают кошку в схематичном рисунке, выполненном прямыми линиями, мы признаём кошку кошкой, даже если у неё три лапы вместо четырёх, нет шерсти или хвоста, т.е. признаков, казалось бы, с необходимостью кошке присущих (Аллахвердов 2003). Можем ли мы говорить о том, что у нас есть понятие кошки? Если есть, то почему мы не в состоянии не то что это понятие описать, но даже представить кошку *как понятие*, т.е. «кошку вообще»?

Объяснить природу возникновения абстрактных понятий ещё более затруднительно: «известно, например, что никогда в опыте не бывает двух равных вещей (как мы помним, даже в одну и ту же реку нельзя войти

дважды), но, тем не менее, у нас есть понятие равенства. Как возникают подобные понятия, если они вообще никак не даны нам в опыте (Горский 1961)? Мы каким-то образом можем всерьёз рещуждать о различии между потенциальной и актуальной бесконечностями, хотя ни с одной из этих замечательных бесконечностей никогда реально в нашей жизни не сталкивались и не столкнемся. Уже Платон хорошо понимал, что понятия не могут являться и, разумеется, не являются отражениями никаких конкретных предметов» (Аллахвердов 2003).

Как указывает в своей статье В. З. Демьянков (Демьянков 2001), понятия можно *конструировать*, о них можно *договариваться*, можно ими *оперировать*. Оперировать понятиями приходится во время рассуждения, и для этого понятия необходимо определять. Поскольку понятия, применяемые в рассуждении, т.е. понятие «нежитейские» могут быть не только научными, но И, к примеру, юридическими, которые используются в судебной практике и в криминалистике, представляется уместным называть их понятиями логическими. По-видимому, житейские понятия имеют отличную от понятий логических онтологию: житейские понятия не нужно определять, они возникают сами собой, в ходе онтогенеза, причём процесс их возникновения не осознаваем — как они формируются, мы не знаем. Тем не менее, мы имеем возможность говорить о них, т.е., знаем об их существовании (Выготский 2005). Как нам это удаётся? Очевидно, посредством языка, ведь, как принято считать, понятию соответствует слово. Если это так, то как быть с логическим понятием, которому соответствует то же самое слово? Одному слову соответствуют два разных понятия? Происходит ли в процессе мышления оперирование понятиями, подобное тому, что происходит при рассуждении? Едва ли: всякое рассуждение есть мышление, но не всякое мышление — рассуждение. Определяя логическое понятие, которым мы оперируем в ходе рассуждения, нам приходится опираться на житейские понятия, ведь процесс определения понятия сам по себе уже является мышлением.

Итак, понятия образуются благодаря языку, но сам процесс их возникновения мы осознать не можем. Попытка дать объяснение понятию житейскому (разумеется, посредством языка) обречена на провал. Понятие становится «логическим», т.е. теряет свою классовую принадлежность. Узнать, как именно наше сознание оперирует (если оперирует) тем, что мы называем житейскими понятиями, пока что не представляется возможным. Утверждать, что понятие логическое - это условная оперативная единица мышления и есть, заведомо неверно по вполне очевидным причинам. Не может быть такой единицей и концепт, во всяком случае, как он представлен в отечественных трудах, где для исследования концепта применяются, по сути, методы семантического и дистрибутивного анализа. Вообще, определение концепта, как он понимается в отечественной когнитивной лингвистике, наталкивает на размышления о гипостазировании — концепту приписываются свойства самостоятельной сущности, которая обладает развитой структурой, склонна к эволюционным. По каким признакам тот или иной концепт относится к культурному, эмоциональному или лингвокультурному?

В.И. Карасик и Г. Г. Слышкин в статье «Лингвокультурный концепт как единица исследования» утверждают, что лингвокультурный концепт «отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнema, стереотип), акцентуацией ценностного элемента» (Карасик, Слышкин 2001: 77), под которой понимается применимость оценочных предикатов *хорошо*, *плохо* и т.п. носителями языка к данному явлению. Однако, любое явление, сущность или объект окружающей среды, с которым взаимодействует организм, будь то инфузория-туфелька, крокодил или человек, всегда имеет ценность. Она может быть положительной, или отрицательной — *tertium pop datur*, воздействие, которое не может быть воспринято как положительное или отрицательное, не может быть воспринято в принципе:

оно просто незначимо для организма. Окружающая же среда может быть как исключительно физической (для простых организмов), так и физической и в то же время культурной (Zlatev 2002) для высокоразвитых живых систем. Другое дело, что в культурной среде не так явно выражена оппозиция положительного и отрицательного воздействия, и многие культурные (в широком смысле) явления не всегда однозначно положительны или отрицательны. Важно то, что «нейтральная» ценность как таковая не существует (Льюис 1983).

Критерии разделения концептов на культурные, лингвокультурные и эмоциональные концепты также вызывают ряд вопросов при анализе концептов, например, эпидемических заболеваний.

Применительно к концепту СЕРДЦЕ возникает вопрос: следует ли относить этот концепт к физиологическим концептам (знания о функционировании сердца как органа), анатомическим (строение сердца), медицинским (вопросы сердечных заболеваний) или эмоциональным (сердце как орган чувств или эмоций), или культурологическим?

1.3. КОНЦЕПТ И ПОНЯТИЕ.

Концепт и понятие, по утверждению В. З. Демьянкова, — исторические дублеты (Демьянков 2001), однако употребление их разное. Некоторые исследователи относят концепт более к сфере лингвистики, а понятие — к области логики, некоторые говорят о принадлежности концепта к ненаучному познанию, а понятия — к познанию теоретическому (Болдырев 2000). Другие учёные рассматривают концепт и понятие как сущности одного порядка, но понимают концепт шире, так как он «охватывает всё содержание слова — и денотативное, и когнитивное, отражающее представления носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятом в многообразии его ассоциативных связей» (Чернейко 1995: 75).

С точки зрения логики, понятие есть совокупность характерных

признаков плюс объём — всё множество предметов, обладающих данными признаками. «В понятии выделяется ... общее, которое достигается за счёт отвлечения от всех особенностей отдельных предметов...» (БСЭ 1974). В то же время выделяют научные понятия и понятия ненаучные (житейские). Так, едва ли сельский житель, говоря о свинье, думает об отнесенности её к отряду парнокопытных, семейству свиней и т.п. Эти признаки представляют интерес для учёного, который занимается теоретическими исследованиями, но не для крестьянина, который свиней разводит.

Итак, если следовать определению понятия как общего, достигаемого путём отвлечения от всех особенностей «операционная единица мысли, единица коллективного знания (отправляющая к высшим духовным сущностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» (Воркачев 2004: 51). «Своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры, самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный или псевдопонятийный базис» (Ляпин 1997: 16); «любая дискретная содержательная единица (образ) сознания» (Караулов 1989: 170) и т. п.

Нет единства и во взглядах на взаимосвязи и взаимодействие концептов. Следует отметить, однако, что более или менее подробно механизмы, которые бы обеспечивали подобные связи, не описаны до сих пор. Исследователи сходятся во мнениях, что концепты образуют системы или сети, узлами в которых являются типы конвенционализованного опыта (Гивон 2004). Д. С. Лихачёв пишет, что концепты, будучи связанными между собой, образуют концептосферы, структурно определяемые «уровнем культуры человека, его принадлежностью к определенному сообществу людей, его индивидуальностью» (Лихачев 1993: 6). По Р. Павиленису, концептуальная система - это «система концептов, представляющих собой - в содержательном смысле — информацию (истинную или ложную), которой располагает индивид — носитель такой

системы о действительном или возможном положении вещей в мире (то, что он думает, знает, предполагает воображает и т.д.)» (Павиленис 1983: 239-240).

Данные трактовки зачастую оказываются взаимоисключающими: если концептуальной системой располагает индивид, иначе говоря, концептуальная система не выходит за пределы «индивидуальной головы», то как быть с определением концептов как типов конвенционализованного опыта?

Может ли абстрактное назывное понятие или когнитивно-перцептивно-аффективное образование служить оперативной единицей памяти или сознания и одновременно отправлять к «высшим духовным ценностям»?

Как справедливо отмечают З. Д. Попова и И. А. Стернин, «концепт — категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования» (Попова, Стернин 2001: 9). Настораживает также то, что при объяснении явления концепта авторы исследований зачастую прибегают к описаниям в терминах переносных значений.

Подобная пуганица в определениях вызвана не столько различными подходами в объяснениях концепта и своего рода модой на этот термин (Демьянков 2001; Камчатнов 1999), сколько теоретическим термином в объяснении базовых по отношению к концепту явлений, и, прежде всего, феномена сознания, где, как сходятся во мнениях учёные, находится концепт. Так, достаточно часто приходится слышать аргумент, что сознание есть *совместное знание* или *c- знание*, т.е. имеющееся при себе знание (Портнов 1994). Как отмечает В. М. Аллахвердиев, язык заведомо отражает «наивную», но не научную картину мира, и убедительность данного этимологического аргумента примерно та же, что и у доказательства, — будто сомнение — это совместное мнение, собака — совместный бак женского рода, соболь — совместная боль, а сопряжение — совместное прядение (Аллахвердиев 2003). Представляется

необходимым поразмыслить над следующими важными для исследования концепта вопросами: существует ли концепт как таковой?

- является ли он структурой или единицей и если да, то чего именно? носит ли эта структура (единица) искусственный или естественный характер? каким целям служит концепт?

Важно определиться, что мы понимаем под концептом и как собираемся его исследовать.

1.4 «ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ» и «ЛИНГВОКУЛЬТУРНОСТЬ» концепта

В литературе по языкознанию наблюдается стойкая тенденция к выделению разных видов концептов: культурных (Воркачев 2003; Степанов 2004, Бабушкин 1996, 1997), личностных (Попова, Стернин 2001; Бабушкин 1996, 1997), эмоциональных, языковых (Кошелев 2000), лингвокультурных (Воробьёв 1997; Карасик 2003; Солдатова 2003) и т.п. Культура, как известно, включает все созданное человеком, в отличие от того, что есть в природе, т.е. «культура это всё, что не есть натура, и тогда все концепты культурные» (Кравченко 2005). Учитывая также то, что любая человеческая деятельность осуществляется в языке, то, что называется культурой, существует лишь постольку, поскольку существует как сущностью общественного (оно же национальное, оно же коллективное, оно же языковое (Никитина 1989)) сознания?

Наконец, если концепт можно свести к смыслу или к значению, возникает вопрос целесообразности существования термина *концепт*: нужен ли выделение категории «языкового сознания» и «сознания вообще» достаточно сомнительное предприятие, ведь вне языка нет и сознания, следовательно, сознание языковое по определению. Сознанием, вероятно, наделены и другие виды животных, помимо *homo sapiens*, например, высшие приматы. Но если примат вступит в лингвистическое взаимодействие с человеком и мы спросим: «Каково быть приматом?»,

апеллируя к его сознанию, он тут же перестанет быть приматом (Матурана, Варела 2001). Поэтому наиболее уместным употреблением термина «языковое сознание» нам представляется условное обозначение коллективного сознания, где коллектив — это сообщество людей, имеющих сходный опыт взаимодействий с окружающей средой, как физической, так и языковой, т.е. проживающих в одних условиях и говорящих на одном языке. Здесь и далее термин «языковое сознание» понимается именно в этом смысле. ОН вообще? Или же это вопрос парадигмальный (Плотникова 2006), связанный с переходом лингвистики от структурализма к когнитивистике?

1.5 КОНЦЕПТ И СТРУКТУРА ЗНАНИЯ

Подход к изучению концепта как структуры знания подразумевает рассмотрение знания как субстанции, которую человек структурирует в виде концептов: «концепт — это всегда знание, структурированное во фрейм» (Телия 1996: 96). Создатель теории фреймов Марвин Минский (Minsky 1974) понимает под фреймом структуру данных — data-structure. Теория разрабатывалась в кибернетике в русле исследований по искусственному интеллекту, и фрейм как структура представления данных носит искусственный же характер (Шенк 1994). В лингвистику теория фреймов пришла с исследованиями Ч. Филлмора в области фреймовой семантики (Fillmore 1975, 1982) и получила развитие в работах отечественных учёных (Беляевская 1994; Болдырев 2004; Красных 2004; Кронгауз 2001; Озонова 2003; Харитончик 1992 и мн. др.).

Не последнее место в современных исследованиях и публикациях, посвященным концепту, отводится данным словарей. При этом исследователь явно или неявно исходит из посылки, что концепт содержится (представляется) в языке, в его лексическом составе. Однако же, пример английского языка указывает на то, что единство языка не означает единства концептов. Возьмем для примера двух людей, один из

которых с детства живёт в Великобритании, а другой — в Индии. Индия является бывшей британской колонией, английский язык там в ходу и даже является официальным государственным, но вот структура знания о таком природном явлении, как дождь, будет у них совершенно разной. Соответственно, разным будет и концепт ДОЖДЬ (Rain): в одном случае это промозглая сырость, зонтики и калоши, в другом — обильные осадки, наводнения и непомерно разливающиеся в сезон дождей реки. Однако семантика слова *rain* в английском одна: *water falling in drops condensed from vapor in the atmosphere* (Britannica, 2004). Насколько это словарное определение раскрывает содержание структуры, стоящей за словом *rain*.

Знание, представленное в словарях, принадлежит более наивной картине мира, чем языковой (рассмотрение соотношения «языковой» картины мира и картины мира «наивной», на наш взгляд, несколько надуманно, поскольку «наивное» знание как раз в языке и представлено: мы видим мир так, как его рисует нам язык) (Постовалова 1998; Григорьева 2003; Серебренников 1988). В то же время, некоторые исследователи говорят о наивно-языковой картине мира (Апресян 2001), практической картине мира (Holland 1984; Lakoff 1986; Рябцева 2005), включающей в себя языковую картину мира в противопоставлении картине мира научной. С другой стороны, научное знание, которое существует в силу научной традиции и создаваемым в рамках этой традиции текстам, принадлежит, в какой-то мере, и обществу, т.е. научное знание выходит за рамки той области познания, где действует наука, посредством текстов научно-популярного жанра, например, и становится достоянием общества. Так, представление человека, живущего в современной России и имеющего образование, как минимум, на уровне средней школы, о Земле как планете кардинально отличается от представления о Земле человека, жившего, скажем, в XII веке: едва ли современный российский гражданин станет настаивать на том, что Земля плоская и вокруг неё вращается Солнце. Однако, в обыденной жизненной

ситуации мы говорим: «солнце садится» и «солнце встаёт», осознавая при этом, что ситуация, которую «рисует» или представляет язык, языковая картина мира имеет мало общего с тем, что Происходит на самом деле, в картине мира научной (Корнилов 2003; Колшанский 1990; Якимович 2004).

1.6 КОНЦЕПТ и ЗНАК

Большинством учёных признаётся безусловная «знаковость» концепта (Алефиренко 2005), т.е. его связь как сущности неявной с явной сущностью, т.е. словом, звучащим или написанным. «Вопрос о значении языкового знака должен быть сформулирован как вопрос о том, какое концептуальное или когнитивное образование подведено под «крышу» знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире» (Кубрякова 1992: 23). Трудно оспаривать связь знака и концепта, поскольку существование концепта (понятия) обусловлено существованием социума, а значит, языка и, следовательно, знака концепта или понятия: нет знака — нет концепта как структуры сознания или мышления, поскольку связь мышления и языка -неразрывна, и мысль постоянно испытывает влияние языка (Авоян 1985). Однако же, некоторые учёные настаивают на том, что «не все концепты имеют языковую объективацию» (Грищук 1998; Попова, Стернин, Чарыков 1998; Попова, Стернин 2001).

Явно указать на «когнитивное образование», называемое концептом, которое «подведено под знак», на деле оказывается очень непростой задачей. Весьма показателен в этом отношении концепт ПУТЕШЕСТВИЕ (Боброва 2005). Возникает ряд трудностей, связанных с именованием концепта, ведь в английском языке есть целый ряд слов, могущих служить знаком концепта, - знаком которого в русском служит слово *путешествие*: *journey, trip, voyage, expedition, ride, drive, flight, passage, excursion,*

crossing, tour, trek, outing, pilgrimage, jaunt. Является ли каждое это слово знаком отдельного «своего» концепта, или концепт один и тот же? Помимо 'этого, некоторые концепты, как справедливо указывает В. И. Карасик, говоря о концептах, не имеющих прямой языковой проекции, обозначаются сочетаниями слов, например, *запах свежесвыпеченного хлеба* (Карасик 1996). Если всё это разные концепты, то у каждого из них должны быть свои компоненты; если нет, и все они являются компонентами одного сложного концепта, тогда какой знак должен служить именем этого сложного концепта? Наконец, возникает проблема наличия/отсутствия каких-либо концептов в разных языках (в языковом опыте носителей): в языках разных народов часто встречаются слова, аналогов которым нет в других языках. Так, в языке ацтеков восточной части Центральной Америки нет отдельного слова, которое обозначало бы бок тела человека — в нем различаются лишь грудная клетка и живот. Естественно, что у ацтеков нет и соответствующего слову *бок* концепта (Wierzbicka 1988).

Если следовать положению о том, что слово даёт доступ к концепту в рамках традиционного понимания знака как двусторонней языковой единицы (единства материальной формы и идеального содержания (Карцевский 1964)), можно прийти к выводу, что любой человек, изучающий иностранный язык, скажем, английский, освоив слово *football*, получит доступ к концепту футбола в английском. И вот он уже прекрасно осведомлён о положении дел в английском футболе, знает наперечёт членов команды Манчестер Юнайтед и т.п. Очевидно, что подобное утверждение сомнительно, если не сказать, абсурдно, что говорит о том, что сущность, называемая концептом, не содержится ни в знаке, ни в языке как системе знаков.

Положение о том, что концепт находится в сознании (Болдырев 2004), определяется культурой и опредмечивается через язык — знак-имя (Карасик, Слышкин 2001), вызывает естественный вопрос: почему в

сознании двух разных людей, принадлежащих одной культуре (которая определяет концепт), так различается концепт, объективируемый одним и тем же словом? Для средней домохозяйки футбол есть не что иное, как бестолковое «рукомашество и дрыгоножество» и беготня по полю, тогда как для тренера (игрока) футбольной команды или для человека, просто «спортивно подкованного», футбол — сложная организованная деятельность, в которой многое зависит от слаженности команды, профессионализма её членов и их морального СОСТОЯНИЯ, в этой игре есть и стратегия, и тактика, и чувство коллектива. По-видимому, так происходит потому, что домохозяйка и футболист, несмотря на принадлежность к одной культуре, имеют совершенно разный опыт взаимодействия с одним явлением.

Следовательно, на формирование концепта, будь то «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов 1997, 2004), «объект из мира «Идеальное» (Вежбицкая 1980), «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» (Лихачёв 1993), и т.п., оказывает влияние, в первую очередь, окружающая среда, в ходе взаимодействия с которой приобретается соответствующий опыт. Среда может быть как языковой, так и социальной, культурной и физической (физическая в традиционном понимании —неживая природа (physical environment)) (Zlatev 2002; Boden 2000). Опытом, приобретённым в ходе взаимодействий с окружающей средой, обусловлена разница концептов ДОЖДЬ у людей, проживающих в разных климатических зонах, но говорящих на одном языке, т.е. постоянно находящихся в процессе коммуникации.

Но всегда ли в процессе коммуникации актуализируется вся сложная репрезентация взаимодействий? В ситуации общения врача-кардиолога и его пациента, имеющего проблемы с сердцем, едва ли будет актуальной интерпретация слова *сердце* в переносном смысле: душа или центральная часть (сердце в значении *центральная область* или наиболее существенная

часть характерна для английского и французского языков). Пациента, в данном случае, волнуют, в первую очередь, вопросы функционирования сердца как органа и его заболевания. Это говорит о том, что или при взаимодействии со знаком, в процессе коммуникации, активизируется не вся репрезентация целиком, а лишь её часть, или же один знак является компонентом нескольких сложных репрезентаций, из которых возможные в данной ситуации задаются контекстом.

На уровне того, что принято называть общественным сознанием, мы имеем дело с интерпретациями знака: наблюдатель не имеет доступа к изменениям, происходящим в нервной системе наблюдаемого, для него существует только описание его действий в среде. Интерпретация знака того или иного концепта есть указание наблюдателем на изменения, которые происходят в нише наблюдаемого при его (наблюдаемого) взаимодействиях со знаком как компонентом среды. Концепт - область возможных интерпретаций знака.

Под знаком понимается любая сущность или единство, взаимодействие с которой способно модифицировать поведение взаимодействующего с ним организма в силу имеющегося у него опыта (опыта знака). Так, к примеру, облака на горизонте во время захода солнца являются свидетельством вероятной плохой погоды на следующий день. Языковой знак — слово (звучащее или написанное) отличается в этом смысле только тем, что имеет культурную природу, поскольку произносится человеком". Для годовалого ребёнка, который не владеет языком, слова, которые произносят окружающие его люди, практически ничем не отличаются от звука погремушки, шума шагов или звуков, издаваемых животными. В лингвистическом отношении слова для ребёнка нерелевантны: они не являются для него знаками в силу отсутствия необходимого опыта взаимодействия с ними.

Всякое размышление над отдельно взятым словом есть операция искусственная. Вот, например, Б. М. Гаспаров рассуждает о

взаимодействии со знаком *трава*: «погружение в запасы моей образной памяти ... способно вызвать целый ряд представлений. Каждое из которых я узнаю в качестве подходящего образного отзыва на различные языковые ситуации, в составе которых «трава» фигурирует в том или ином случае: трава в лесу, в промежутках между деревьями и кустами, в пятнах солнечных бликов; трава, пробивающаяся из трещин в асфальте ... мягкие очертания холмов, покрытых ярко-желтой, выгоревшей на солнце травой ... черно-белый рисунок в учебнике ботаники, с надписью: «Осот полевой» (что именно изображено и как именно должен выглядеть этот «осот полевой», я сознаю весьма смутно. Но при этом отчетливо представляю себе положение рисунка на левой странице в книге и тот факт, что он изображает нечто, что я опознаю как рисунок травы» (Гаспаров 1996: 249). Разумеется, для автора этих строк, если он занят, скажем, прополкой травы с грядок на даче или передвижением по-пластунски на тактическом поле в колючем осоте, едва ли будут актуальными представления о траве как «душистом мягком ковре». Они характерны для художественных произведений или возможны при других обстоятельствах, да и представление об осоте (трава-сорняк) будет гораздо более конкретным. Но часто ли, услышав в разговоре слово *трава*, мы принимаемся рефлексировать на заданную тему и вспоминать о лугах, полях с копнами сена и других подобных сущностях, взаимодействовать с которыми имели удовольствие в прошлом? Ответ представляется очевидным. В разговоре, к примеру, мужа и жены, когда муж, обращаясь к жене, просит дать ему ключ, у жены едва ли возникает вопрос о том, что её муж имеет в виду: ключ от квартиры, машины или гаража, ключ гаечный или музыкальный ключ, ключ в сборнике задач, холодный ключ, бьющий из-под земли, шифр или кнопку (рубильник в электротехнике).

Все эти возможные интерпретации знака так и остаются возможными: из них выбирается одна, остальные же возможны при других обстоятельствах в другой ситуации. Сказать, что интерпретация знака как

поведенческая структура выбирается сознательно и произвольно, нельзя, она обусловлена средой, т.е. контекстом диалога. Следовательно, концепт КЛЮЧ как область возможных интерпретаций знака *ключ* очерчивается исследователем и порождается непосредственно в процессе исследования, но не хранится в голове в готовом виде, откуда извлекается, укладываясь в схеме: концепт ДАТЬ + концепт КЛЮЧ в рамках сценария ПЕРЕДАЧА КЛЮЧА.

Таким образом, структурой концепт является только для исследователя, который его анализирует и выделяет в нём признаки и связи признаков — компонентов концепта — с его знаком. Следовательно, концепт — это искусственный конструкт, существующий в силу операции наблюдения связей в интерпретации знака, который является именем концепта, более или менее удобная аналитическая фикция.

Часто приходится слышать, что доступ к концепту может обеспечивать не только слово, но и синтаксическая структура. Тем не менее, исследования в Интерпретации знака, связи между означающим (словом) и означаемым (репрезентацией взаимодействий в нервной системе) имеют опытную природу', то есть, формируются в процессе онтогенеза, но порождение концепта как области интерпретаций знака, которое происходит в процессе исследования, носит искусственный характер. Это говорит о том, что принадлежит он (концепт) исключительно области научных рассуждений.

Где существуют концепты, как и за счёт чего обеспечиваются связи между ними, чем обусловлена «полиаппелируемость» или «множество способов входа в концепт» (Карасик, Слышкин 2001; Слышкин 2005: 38), как сознание оперирует концептами (Болдырев 2000: 23), почему за разными словами в сознании разных людей, принадлежащих одной культуре, стоят разные концепты (Фрумкина 1992: 97) и т.п.

Итак, если концепт есть логическая фикция, искусственный конструкт, то с какой целью он создаётся, моделируется? По всей

видимости, концепт, как и многие другие понятия когнитивной науки (фрейм, сценарий и др.), представляет собой инструмент, помогающий выявить и объяснить общие механизмы, лежащие в основе интерпретации знака, но не более того. Такие искусственно создаваемые конструкты, модели широко используются в массе других наук и теоретических дисциплин: в математике и геометрии, в химии и области концептов синтаксических структур ведутся с гораздо меньшим энтузиазмом, чем исследования в области концептов имён.

1.7 Выводы по I главе

Концептуальный анализ, в традиционном его понимании, это «по существу семантический анализ лексики, грамматики и прагматики языка, сочетаемости, идиоматики, этимологии и др. Его (концептуального анализа) главным орудием выступает толкование значения, которое позволяет выделять, сравнивать и описывать языковые явления и их смысл, а также восстанавливать целостные образы-концепты и стоящие за ними представления. Так что концептуальный анализ является не просто отдельным, пусть новым направлением лингвистики, но гораздо больше: принципиально новым уровнем развития самой лингвистики, суть которого — использование семантического анализа для извлечения из языка не только нетривиальных сведений о самом языке, но и о его носителе, внутреннем мире и культуре» (Рябцева 2005: 62). Положение, что в системе знаков языка «скрыты» сведения о его носителях, культуре и т.п. и которые могут быть оттуда «извлечены» посредством семантического анализа, само по себе достаточно спорно. Очень часто мы оказываемся не в силах объяснить происхождение того или иного слова, а о перспективах такого анализа применительно к грамматике или ряду идиоматичных выражений (например, *собаку съесть*) и говорить не хинди и английский, являются родными, происходит «рассечение» действительности? Что происходит, если в одном из двух родных для

человека языков нет грамматической категории, которая есть в другом (как, например, герундий в английском)? Можно совершенно однозначно сказать, что вне языка нет ни мышления, ни сознания, поскольку нет и человека как такового, но ответа на вопрос о том, как именно строй языка соответствует строю мышления или сознания, пока что не получен. В свете того, что познания современной науки о человеческом мозге и протекающих в нём процессах весьма скромны, вопрос прямого соответствия между языком и сознанием не так прост. Возвращаясь к вопросу о «скрытых» в языке как системе знаков сведениях, уместен пример индийского варианта английского языка, грамматический строй и лексический состав которого едва ли ощутимо изменился после колонизации Индии, когда английский язык стал там одним из основных наряду с разными вариантами хинди. Разумеется, вместе с языком была привнесена и новая культура, но индийская цивилизация намного древнее англосаксонской, что наталкивает на экзотическую мысль о двукультуре, условными, поскольку компьютер, строго говоря, не работает ни с единицами, ни с нулями как таковыми: единице или нулю соответствует сигнал (импульс) или его отсутствие, отверстие/пробел (пит/ленд) на поверхности лазерного диска и т.п. Возникает вопрос: какие именно грамматические структуры английского, семантика и этимология его слов содержат какие сведения о культуре носителей языка, если речь идет о двух совершенно разных цивилизациях, одна из которых на порядки древнее другой? Изменился ли английский язык на новой почве и как? Это рассуждение наталкивает на вывод, что концептуальный анализ есть установление исследователем связей между знаком, который служит именем концепта, и обозначаемыми через этот знак сущностями (явлениями), в процессе которого порождается концепт, что больше похоже на синтез, нежели анализ как таковой.

ГЛАВА II. ДИСКУРСИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КОНЦЕПТА

Work

2.1 Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики.

Концептосфера - совокупность концептов, из которых как из мозаичного полотна складывается миропонимание носителя языка. Например, с точки зрения авторитетного русского религиозного журнала «Вышенский паломник», генетический код, вошедший в сознание нашего народа, в его менталитет и духовный опыт, может быть репрезентирован концептами Слово. Творец. Истина, Добро, Благо, Мир. Свобода, Польза. Человек, каждый из которых обладает сакральными смыслами в пределах концептосферы русского православного сознания.

Богатство языка определяется не только богатством словарного запаса и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептосферой, в которой формируется национальная языковая личность.

В структуре концептосферы есть ядро (когнитивно-пропозициональная структура важного концепта), приядерная зона (иные лексические репрезентации важного концепта, его синонимы и т.д.) и периферия (ассоциативно-образные репрезентации). Ядро и приядерная зона преимущественно репрезентируют универсальные и общенациональные знания, а периферия — индивидуальные.

Анализ концептов, осуществляемый с помощью научного аппарата лингвистики, и исследование концептуального устройства естественного языка позволяет получить достаточно достоверную и надежную информацию об универсальных и идиоэтнических чертах мировидения любого народа, то есть сведения о таком уникальном феномене, который принято называть духом народа.

Изучению природы концепта, его сущности, отличия от смежных понятий в когнитивной лингвистике уделяется важное значение. Всю познавательную деятельность человека (когницию) можно рассматривать

как развивающую умение ориентироваться в мире, а эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты: концепты возникают для обеспечения операции этого рода. Отсюда следует, что формирование концептов связано с познанием мира, с формированием представлений о нем.

Термин *концепт* в лингвистике и старый и новый одновременно. В 1928 году С.А. Аскольдов-Алексеев опубликовал статью «Концепт и слово», но до середины прошлого века понятие «концепт» не воспринимался как термин в научной литературе. Несмотря на это и другие выступления С. А. Аскольдова- Алексеева по данной теме, вопрос, поднятый им, так и не начал изучаться.

С.А. Аскольдов в своей статье подчеркивал, что вопрос о природе концептов, или общих понятий, или, по средневековой терминологии, универсалий, старый. Он, указывая на заместительную функцию концепта, определяет его следующим образом: *концепт есть .мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода* (Аскольдов, 1997, с.267).

Лишь 80-е годы в связи с переводами англоязычных, авторов на русский язык снова возникает понятие концепта. Концепт - термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека. Концепт -- оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике.

Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания (Петров, 1979, с.55, Хинтиikka, 1980, с.90-92).

Сейчас в лингвистической науке можно обозначить три основных

подхода к пониманию концепта, базирующихся на общем положении.

Сторонниками третьего подхода являются Д.С.Лихачев, Е.С.Кубрякова и др. считают, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека, т.е. концепт является посредником между словами и действительностью.

Концепт, согласно Е.С.Кубряковой. - это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (*lingva mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике (Кубрякова и др., 1996, с.90).

При анализе концепта Е.С.Кубрякова считает оправданным использование в когнитивной лингвистике понятий фона и фигуры. которые используются в психологии при описании сенсорно-перцептивных процессов. Противопоставление *фона* и *фигуры* связано с осознанием человеком себя как части целого, себя (фигуры) на каком-то фоне (среды, пространства) и такое же понимание и всех других телешей в мире. Таким образом, она постулирует. что в основе языка и его категорий лежит наглядный, телесный опыт человека и что только через обращение этого опыта человек выходит в более абстрактные сферы и строит свои представления о ненаблюдаемом непосредственно.

"Пространством Вселенная ... охватывает меня и поглощает как гочку; мыслью же я охватываю ее", - этой фразой Б.Паскаля можно проиллюстрировать утверждение Е.С.Кубряковой.

По ее мнению, если язык отражает особое видение мира, то и отражение в нем позиции наблюдателя (или сознательное абстра- I ирование от нее) соответствует общей субъективности запечатленных и закрепленных в языке концептов. Нельзя не согласиться с этим утверждением, так как одно и тоже явление/ действие/объект может быть описано по-разному, с использованием разных языковых средств, поэтому появляется возможность отра- шть в описании разные детали, свойства,

признаки. Вместе с тем, синонимия - явление кажущееся, ибо за каждой альтернативной . Юксемой стоит индивидуальная концептуальная структура.

Интересная теоршишнцешга предложена Ю.Д.Апресяном, она основывается на следующих положениях: 1) каждый естественный язык_отражает определенный способ восприятия и организации мира; выражаемые в-нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается языком всем носителям; 2) свойственный языку способ концептуализации мира отчасти универсален, отчасти национально специфичен; 3) взгляд на мир (способ концептуализации) «наивен» в том смысле, что он отличается от научной картины мира, но это не примитивные представления (Апресян. 1995, с.39).

Общим для данных подходов является утверждение неоспоримой связи языка и культуры; расхождение обусловлено разным видением роли языка в формировании концепта. Объекты мира становятся «культурными объектами» лишь тогда, когда представления о них структурируются этноязыковым мышлением в виде определенных «квантов» знания.
КОНЦЕПТОВ.

Период утверждения данного термина в науке связан с определенной произвольностью его употребления, размытостью границ, смешением с близкими по знаменю и/или по языковой форме терминами.

В связи с этим возникает вопрос об уточнении определения термина концепт. Большой энциклопедический словарь даел следующее определение концепта: «Концепт (от лат. Conserplusмысль, понятие) - смысловое значение имени (знака), г.е. содержание понятия, объект которого есть предмет (денотат) этого имени (например, смысловое значение имени Луна — естественный спутник Земли)” (Большой..) 997. с. 339). На первый взгляд, лексическое значение слова можно назвать

концептом. Однако сейчас уже считается доказанным тезис о том, что значение слова в словарной статье представлено «недостаточным, узким, далеким от когнитивной реальности и даже неадекватным» (Langacker. 1987). Поэтому нас не устроит такое определение концепта, которое дано в Энциклопедическом словаре. Но не все концепты, а лишь те, которые вербализованы, попадают в систему языка.

Приведем другие наиболее известные и интересные определения концепта.

По мнению Фрумкиной Р.М. (Фрумкина. 1992, с.3-29). наиболее удачное определение концепта дает А.Вежбицкая, которая понимает под концептом объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность» (Вежбицкая, 1996, с.11).

Д.С. Лихачев под концептом понимал «своего рода алгебраическое выражение значения, которым человек оперирует в своей письменной речи» (Лихачев, с. 6).

Р.М.Фрумкина определяет концепт как вербализованное понятие. неогрефлексированное в категориях культуры (Фрумкина, 1995).

С точки зрения В. И.Телия, концепт - это продукт человеческой мысли и явление идеальное, а, следовательно, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концептовного конструкт, он не воссоздается, а «реконструируется» через свое языковое выражение и внеязыковое знание (Телия, 1996).

Вот еще несколько определений:

концепт - термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека;

концепт - оперативная содержательная единица памяти,

меняльного лексикона. Концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике; концепт - культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане*выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму, единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой (Воркачев 2001, с. 47-48).

4) он определяет также знание референтной ситуации.

Таким образом, понятие концепта пришло из философии и логики, но в последние 15 лет оно переживает период актуализации и переосмысления.

Разные определения концепта позволяют выделить его следующие инвариантные признаки:

1) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру;

2) это основная единица обработки, хранения и передачи знаний;

3) концепт имеет подвижные границы и конкретные функции;

4) концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его.

"Следовательно, концепты представляют мир в голове человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы.

Отсутствие единого определения связано, с тем, что концепт обладает сложной, многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре.

Часто концепт - это «свернутый» текст: *Баба-Яги* — живет в избушке

на курьих ножках, летает в ступе или на метле, имеет костяную ногу, иногда ест людей, а иногда им помогает. Отсюда следует, что многие концепты свернуты во фрейм. Фрейм — это обобщенная модель организации культурного знания вокруг некоторого концепта. Как утверждает В.Н.Телия, фреймы могут быть структурированы в форме эпизода, сцены, фрагмента сценария или даже всего сценария целиком. Следовательно, фрейм — это структура знания о мире, ассоциирующиеся с конкретной языковой единицей. Е.Г.Беляевская лексические значения слова рассматривает как особым образом организованный микрофрейм.

Сам концепт при таком понимании элемент картины мира.

Концепты в сознании человека возникают в результате деятельности. опытного постижения мира, социализации, а точнее, складываются из а) его непосредственно о чувственного опыта - восприятия мира органами чувств; б) предметной деятельности человека; в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами; г) из языкового знания (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме); д) путем сознательного познания языковых единиц (Попова, Стернин, 1999).

Такая трактовка термина «концепт» основывается по существу на семантике латинского (conceptus): 1) «собирать, вбирать в себя»; 2) «представлять себе, воображать»; 3) «написать, сформулировать»; 4) «образовывать»; 5) «происходить, появляться, возникнуть» (Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.. 1976. с. 222-224). Приведенные значения можно свести к следующему обобщенному инварианту: «сформулированный {воображаемый} как собирающий, вбирающий в себя и являющийся их началом».

Концепты как результаты мыслительной деятельности должны быть вербализованы. Но полностью ли они могут быть описаны? Мы считаем, что нет. ибо полностью солидарны с позицией К).С.Степанова, утверждающего, что «во всех духовных концептах мы можем довести свое описание лишь до определенной черты, за которой лежит некая духовная

реальность, которая не описывается, а лишь переживается» (Степанов, 1997, с4 3).

В когнитивной лингвистике не только не существует единого понимания концепта, но и нет ответа на многие другие вопросы, например, на вопрос о том, как возникают концепты (кроме самых общих моментов процесса образования смыслов), сколько их в каждом языке и культуре и др. Если А.Вежбицкая фундаментальными для русской культуры считала всего три концепта («Судьба», «Тоска» и «Воля»), то Ю.С.Степанов полагает, что их число достигает четырех-пяти десятков. Это «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Слово», Любовь». Вера» и др. Концептуальная система опирается на существование этих первичных концептов, из которых развиваются все остальные (Кубрякова, Словарь). Концепты могут быть личными (*каляка-маляка* ~ о чем- либо страшном), возрастными (*счастье, радость*), общенациональными - *душа, воля, тоска, кручина* и общечеловеческими - *мир, война, родичи*.

Духовная культура народа также складывается из операций с этими концептами. Наши наблюдения показывают, что число концептов превышает несколько сотен. А З.И.Кирнозе утверждает, что определение точного круга национальных концептов задача вообще неразрешимая.

Национальный концепт «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национальнокультурной маркированностью» (Красных, 1998. с. 130).

Пантеон национальных «героев» и «злодеев» (*Обломов, дядя Степа, Сталин*), воплощенных в национальных концептах, задают определенную ценностную парадигму и те модели поведения, которым рекомендуется или запрещается следовать. Каждый такой герой - ядро фрейма-структуры.

Следовательно, язык связывает людей в нацию/этнос через концепты.

Концепты могут классифицироваться по различным основаниям. С

точки зрения тематики концепты образуют, например, эмоциональную, образовательную, текстовую и др. концептосферы. Классифицированные по своим носителям концепты образуют индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы. Можно выделить концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: например, педагогическом, религиозном, политическом, медицинском и др. Сам дискурс может рассматриваться одновременно как совокупность апелляций к концептам и как обширный концепт, существующий в сознании носителей языка.

Концепт – это своего рода сгусток культуры в сознании человека то вид чего культура входит в ментальный мир человека

Концепт – это пучок представлений понятий, знаний ассоциаций который сопровождает слово
Ю.С.Стенало

Концепт – это культурно отличенные вербализованный смысл предтавленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций образующих соответствующую лексико семантическую парадигму

Концепт – это культурно – ментально – языковое образование Ю.С.Стенало

Концепт является посредников между словами и экстралингвистической действительностью
Е. С. Кудрякова

Третьи полагают, что анализ лексических систем языков может привести к обнаружению небольшого числа «примитивов» (типа *некто, нечто, вещь, место* в исследованиях А.Вежбицкой), комбинацией которой можно описать далее весь словарный состав языка (Филлмор, 1981. с. 74; Караулов, 1976, с. 5) Известную компромиссную точку зрения разделяют те ученые, которые утверждают, что часть концептуальной информации имеет языковую «привязку», то есть способы их языкового выражения, но часть этой информации представляется в психике принципиально иным образом, т.е. ментальными репрезентациями другого типа - образами, картинками, схемами (Апресян, 1993. с. 34 - 36; Гачев, 1995, с. 302; Воробьев, 1997, с. 91 - 100).

Для образования концептуальной системы необходимо предположить существование некоторых исходных, или первичных концептов, из которых затем развиваются все остальные (Павленко, 1981, с. 143.; 1976, с. 32). Концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям. Они представляют собой реализуемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются. Возьмем, например, такой признак, как «красный», который, с одной стороны, интерпретируется как признак цвета, а с другой стороны, дробится путем указания на его интенсивность (алый, пурпурный, багряный, транспарантный, темно-красный...) и обогащается другими характеристиками. Да и сама возможность интерпретировать разные концепты в разных отношениях свидетельствует о том, что и число концептов и объем содержания многих концептов беспрестанно подвергаются изменениям. «Так как люди постоянно познают новые вещи в этом мире, и поскольку мир постоянно меняется, - пишет Л.В.Барсалю, - человеческое знание должно иметь форму, быстро приспособляемую к этим изменениям» (Barsaiou, 1992, с. 67); поэтому основная единица передачи и хранения такого знания должна быть тоже достаточно гибкой

и подвижной.

Итак, концепт - это «понятие, погруженное в культуру» (по Н.Д.Арутюновой и В.Н.Телия). Он обладает эмотивностью, коннотациями, концепт аксиологичеи по своей природе, имеет «имя»/«имена» в языке. Предметом поисков в когнитивной лингвистике являются наиболее существенные для построения всей концептуальной системы концепты: те, которые организуют само концептуальное пространство и выступают как главные рубрики его членения (Арутюнова, 1976: 1991). К таким концептам относятся *время, пространство, число, жизнь, смерть, свобода, воля, истина, знания* и под.

Любая попытка постичь природу концепта приводит к осознанию факта существования целого ряда смежных понятий и терминов, таких как *понятие и значение*.

За последние десять лет многое в понимании этого вопроса изменилось. Концепты - это посредники между словами и экстралингвистической действительностью и значение слова не может быть сведено исключительно к концепту (Cruse, 1990, с.395 — 396). «Концепт значительно шире, чем лексическое значение» (Карасик 1996, с. 6) - такова одна из точек зрения на соотношение концепт-слово, высказанная впервые С.А. Аскольдовым (Аскольдов 1997, с. 270, 275); согласно еще одной точке зрения, концепт соотносится со словом в одном из его значений (Лихачёв 1993). Свою приверженность к данной точке зрения В.П.Москвин объясняет следующим образом: «такие характеристики как наличие синонимов, внутренняя форма и сочетаемость, относятся не к слову в целом, а к отдельному его лексико-семантическому варианту» (Москвин 1997, с. 67).

Правильнее было бы, наверно, говорить о концептах как соотносительных со значением слова понятиях (Соломоник, 1992, с.46). Значением слова становится концепт, «схваченный знаком» (Кубрякова. 1991, с.4 21). В этом смысле трудно согласиться с мнением А.Вежбицкой,

что значения в определенном отношении независимы от языка (Wierzbicka. 1992, с.3). Хотя в науке существовала и более резкая точка зрения, выведившая значение за пределы лингвистики и трактовавшая его как категорию неязыковую по своей природе, являющуюся одной из специфических функций мышления, т.е. сущностью неязыковой.

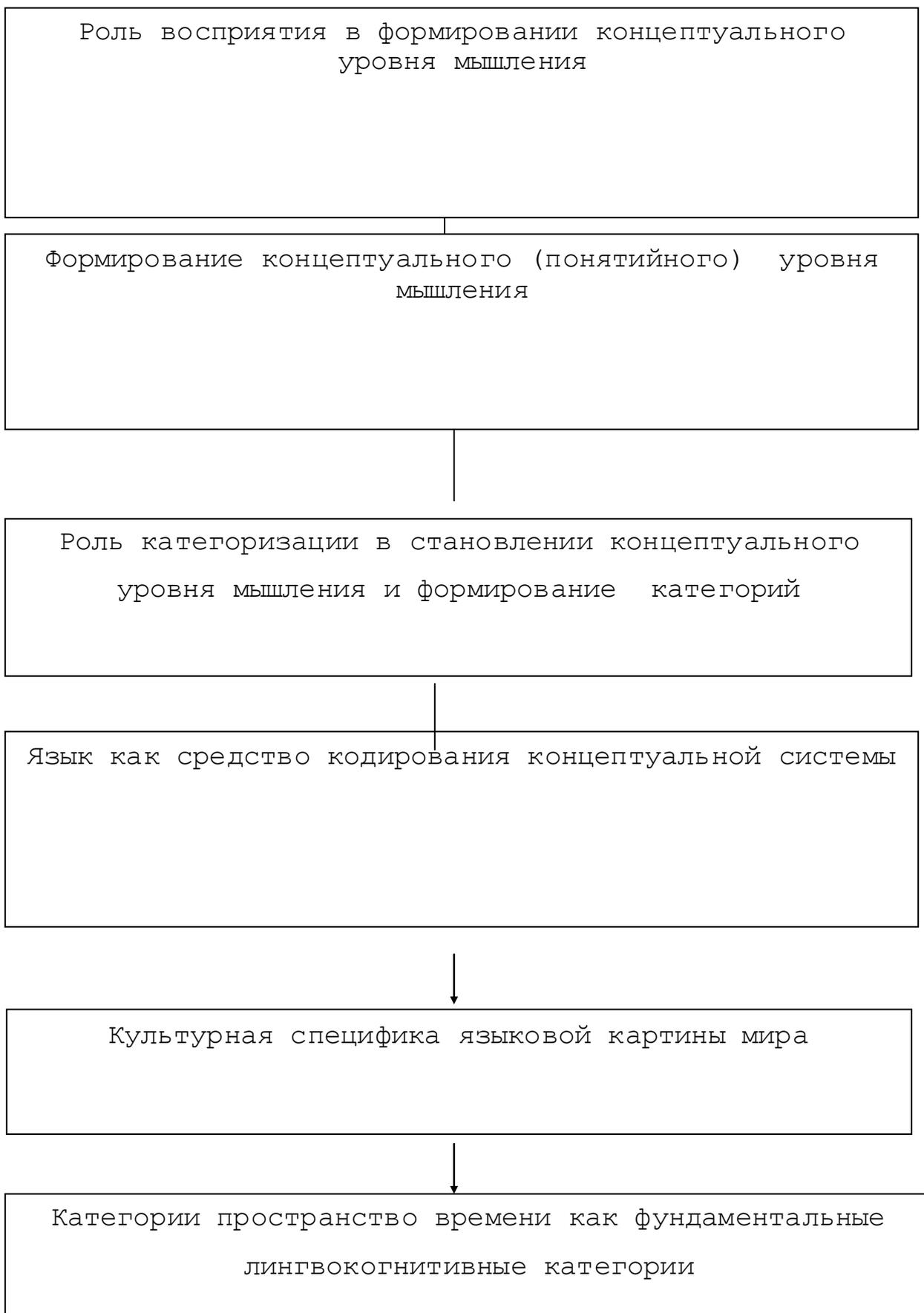
Есть и другие отличия: понятие включает существенные и необходимые признаки; концепт же - и несущественные признаки (Степанов. 1993, с.16 - 20). В сравнении с концептами понятия имеют более простую структуру: в структуре понятий преобладает содержательная составляющая и присутствуют не все компоненты, представленные в структуре концепта. Например, в 60-е годы отмечалось, что *интеллигент* — это 'тот, кто любит стихи. Сема, семантический множитель «любовь к поэзии» является несущественным признаком и не включается в понятие, однако в концепт он включен, и здесь он очень важен. Концепт окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом (Маслова, 1997); это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово и выражаемое им понятие. Концепты предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений различных мнений. Кроме того, число лексических единиц, являющихся концептом, ограничено, потому что не всякое имя-обозначение явления или предмета есть концепт. Ю.С.Степанов концепт и понятие справедливо считает терминами разных наук; понятие употребляется главным образом в логике и философии, тогда как концепт является термином в математической логике, а в последнее время «крепилось также в науке о культуре (в культурологии) и лингвистике (Степанов, 1997, с.40). Отсюда их неизбежная и нежелательная интерференция.

Рассмотрев различные точки зрения на проблему, мы заключаем, что обычно термином «концепт» обозначают содержание понятия, рассматривая данный термин («концепт») как синоним термину «смысл». В некотором смысле синоним «понятия» — термин «значение». Тогда

значение слова — это тот предмет или те предметы, к которым это слово применимо в соответствии с нормами данного языка, а *концепт* — это смысл слова. Ю.С. Степанов приводит следующий пример. В русском языке слово «петух» имеет «значение» и «смысл». Его «значение» — это все птицы определённого внешнего вида: ходячая (а не летающая птица), самец, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах. «Смыслом» же слова петух будет не только его зоологическая характеристика, а нечто иное (хотя, разумеется, находящееся в соответствии со «значением»):

- а) домашняя птица,
- б) самец,
- в) птица, поющая определённым образом и своим пением отмечающая время суток,
- г) птица, названная по своему особенному пению: петух от глагола петь,
- д) вещая птица, с которой связано много поверий и обрядов

Некоторые проблемы когнитивной лингвистики

Неоднократно цитируемая нами в работе монография

Вежбицкой служит ярким доказательством того, как некие общечеловеческие концепты по-разному группируются и по-разному вербализуются в разных языках в тесной зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, а, следовательно, фиксируются в разных значениях. Поэтому для когнитивной лингвистики перспективным является то направление в семантике, которое защищает идеи о про- и противоположности концептуального уровня семантическому (языковому) (Фрумкина, 1998, с.70 - 74). И все же в современной лингвистике понятие «концепт» широко используется при описании семантики языка, ибо значения языковых выражений приравниваются выражаемыми в них концептами к концептуальным структурам: такой взгляд на вещи считается отличительной чертой когнитивного подхода в целом (Гачев, 1992, с.147). Когнитивная лингвистика во многом помогла семантике: именно в ней получены парадоксальные на первый взгляд выводы о том, что решение слова в словарной статье представлено «недостаточным, узким, далеким от когнитивной реальности и даже неадекватным» (Langacker, 1987).

Итак, завершая разговор о различии данных терминов, подведем некоторые итоги. Многие лингвисты считают концепт значительно более широким, чем лексическое значение (Карасик; С.А.Аскольдов). Другие исследователи утверждают, что концепт соотносится со словом в одном из его значений (Д.С.Лихачев, А) П.Москвин). Мы же полагаем, что значение, концепт и понятие — но разные термины. Так, концепт и понятие - два параллельных термина: они принадлежат разным наукам: *понятие* — термин логики и философии, а *концепт* - математической логики, культурологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, хотя по своей внутренней форме (ВФ) они сходны. Концепт и значение также не находятся во взаимно однозначном соответствии. Концепт является собой относительно стабильный и устойчивый когнитивный слепок с объекта

действительности, он связан с миром более непосредственно, чем значение. Слово же своим значением всегда представляет лишь часть концепта. Однако получить доступ к концепту лучше всего через средства языка, через слово, предложение, дискурс.

2.2 СТРУКТУРА КОНЦЕПТ “WORK” И МЕТОДИКА ЕГО ОПИСАНИЯ.

У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней относится все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры - исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки, коннотации.

Р.И.Павиленис считает, что усвоить некоторый смысл (концепт) — значит построить некоторую структуру, состоящую из имеющихся концептов в качестве интерпретаторов, или анализаторов, рассматриваемого концепта, «вводимого» - с внешней точки зрения, то есть с точки зрения некоторого наблюдателя, находящегося вне системы, - в таком образом конструируемую систему концептов (Павиленис. 1983. с.102).

З.Д.Попова и И.А.Стернин, проанализировав множество определений концепта, пришли к выводу, что когнитивный концепт формируется в сознании человека из:

- а) его непосредственного чувственного опыта — восприятия мира органами чувств;
- б) предметной деятельности человека;
- в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами;
- г) из языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме;
- д) путем сознательного познания языковых единиц (Попова,

Стернин. 2001, с. 40).

Концепты идеальны и кодируются в сознании единицами универсального предметного кода (УПК, по Н.И.Жинкину). Единицы УПК - индивидуальные чувственные образы, формирующиеся на базе личного чувственного опыта. Концепт рождается как образ, но он способен, продвигаясь по ступеням абстракции, постепенно превращаться из чувственного образа в собственно мыслительный. Образ холода лежит в основе концепта «страх», поэтому и существуют для выражения страха - *дрожать от страха, зуб на зуб не попадает, мороз по колее продирает, дрожь пробегает опте, кровь стынет* и др.

Концепт состоит из компонентов (концептуальных признаков), то есть отдельных признаков объективного или субъективного мира, дифференцированно отраженных в его сознании и различающихся по степени абстрактности. В результате когнитивных лингвистических исследований как прикладной результат было предложено описание соответствующего концепта как элемента национальной концептосферы.

Концепт имеет «слоистое» строение, и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох. Он складывается из исторически разных слоев, различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике, и имеет особую структуру, включающую в себя:

основной (актуальный) признак:

дополнительный (пассивный, исторический) признак:

внутреннюю форму (обычно не осознаваемую) (Степанов. 1997. с.21).

Внутренняя форма, этимологический признак, или этимология отрываются лишь исследователям, для остальных он существует опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений.

Принимая за основу строение концепта по Ю.С. Степанову, мы считаем, что точка зрения В.И.Карасика на выделяемые К.С.Степановым

слои концепта также заслуживает внимания. Он предлагает рассматривать их как отдельные концепты различного объема, а не как компоненты единого концепта. Активный слой ("основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него") входит в общенациональный концепт. Пассивные слои ("дополнительные признаки, актуальные для отдельных групп носителей культуры") принадлежат концептосферам отдельных субкультур, внутренняя форма концепта ("не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов") для большинства носителей культуры является не частью концепта, а одним из детерминирующих его культурных элементов (Карасик, 1996, с.3).

Таким образом, из сказанного вытекает, что лингвокультурный концепт многомерен, поэтому к определению его структуры возможны различные подходы. Каждый концепт как сложный ментальный комплекс включает в себя, помимо смыслового содержания, еще и отношение человека к тому или иному отражаемому объекту, его оценку и другие компоненты: общечеловеческий, или универсальный;

национально-культурный, обусловленный жизнью человека в определенной культурной среде;

социальный, определяемый принадлежностью человека к определенному социальному слою;

групповой, обусловленный принадлежностью языковой личности к некоторой возрастной и половой группе;

индивидуально-личностный, формируемый под влиянием образования, воспитания, индивидуального опыта, психофизиологических особенностей языковой личности.

В более широком смысле структуру концепта можно представить в виде поля, в центре которого лежит Основное понятие, это ядро концепта, а на периферии находится все то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом.

Построенные посредством языка концептуальные структуры, скорее относятся к возможному, чем к актуальному опыту индивида (Павиленис. 1983, с.14). Одним и тем же словесным выражением могут указываться разные концепты одной и той же концептуальной системы, что отражает неоднозначность языковых выражений. Мы говорили, *что человек и лошадь бегут, бегут часы, бегут мысли, бежит жизнь, бежит ручей*. Но языковые выражения в любом случае соотносятся с определенным концептом/концептами (или их структурой). Поэтому понимание языкового выражения рассматривается Р.Павиленисом как его интерпретация в определенной концептуальной системе, а не в терминах определенного множества семантических объектов.

Методика описания концепта. Под методом мы понимаем процедуры интерпретации, включающие в себя выводное знание. Впервые вопрос о методе как вопрос о содержании концептов (хотя термин «концепт» ещё не употреблялся) возник в 40-е годы 19 века в связи с изучением быта и древностей русского народа по памятникам древней словесности и права.

К этому Е.С.Кубрякова добавляет следующее: «...если не требовать чересчур жёсткого определения самого понятия «метод», мы бы сказали, что он заключается в постоянном соотношении языковых данных с другими опытными сенсомоторными данными, ибо способом теоретического исследования...здесь становится его рассмотрение на широком фоне культурологического, социологического, биологического и - особенно - психологического - к порядку...Лингвистика должна, на наш взгляд, всё больше приоритетно объяснительный характер. Когнитивная наука и пренебрегает ей эти возможности, то есть расширяет рамки возможных в лингвистике и так необходимых для неё объяснений» (Кубрякова, 1999, с.5-6).

Методы когнитивной науки заключаются, прежде всего, в попытке совместить данные разных наук, гармонизировать эти данные и найти

смысл семантической непрерывности. По мнению Ю. Н. Караулова, свойство семантической непрерывности словаря обусловлено «тем самоочевидным фактом, что в языке нет и не может быть слов, изолированных в семантическом отношении. Каждое слово десятками и сотнями нитей связано со значениями многих других» (Караулов, 1976, с.75).

Можно ли говорить о совершенно новых методах исследования в когнитивной лингвистике? Пожалуй, это только метафорический анализ, предложенный Дж. Лакоффом и М. Джойсоном (Лакофф и Джонсон. 1985), да макрокомпонентная модель значения, разработанная В.Н.Телия. Они постулируют метафору в роли фундаментальной когнитивной операции, обеспечивающей перенос образных схем из одной концептуальной сферы в другую.

Названные методы вступают в отношения взаимодополнительности, что позволяет использовать их в когнитивной лингвистике вообще и при исследовании концепта в частности. Концепт, по определению Ю.С.Степанова, имеет «слоистое» строение. что еще раз подтверждает необходимость совокупности нескольких методов, точнее, методик.

В данной работе мы описывали концепты так. Вслед за Р. М.Фрумкиной мы различаем ядро и периферию концепта. Ядро - но словарные значения той или иной лексемы. Именно материал словарей (толковых, этимологических, энциклопедических) предлагают исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении специфики его языко- т.ого выражения.

В зависимости от типа концепта несколько иной будет и методика его описания. Известно, что есть различные типы структур представления знаний — схема, фрейм или сценарий, картинка или мыслительный образ, скрипт и т.д. Их объединяет то, что все они есть совокупность информации, хранимой в памяти, которая обеспечивает адекватную

когнитивную обработку стандартных ситуаций. Многое при описании зависит оттого, какой тип концепта подлежит описанию.

Так, если словарные толкования содержат указания на контуры, линии, формирующие предмет, его очертания, то, значит, они

указывают на схему. Например, такое толкование *«рогатка» - деревянная развилка в форме буквы У* — это схема.

Перечисление деталей, из которых складывается содержание, лающего как бы кадр фильма - это фрейм. Фрейм в его базовом определении (по М.Минскому) - это структура данных для представления (визуальной) стереотипной ситуации, особенно при организации больших объемов памяти.

Это организация представлений, хранимых в памяти, структура знаний, информация об определенном фрагменте человеческого опыта (например, празднование дня рождения, посещение врача). Данное знание включает: а) лексическое значение, б) энциклопедическое знание ситуации, в) экстралингвистическое знание. Фрейм организуется вокруг некоторого ядра и поэтому содержит информацию, ассоциирующуюся с данным ядром.

Описание процесса, действия, с его важнейшими этапами - по сценарий. Он вырабатывается в результате интерпретации текста. Например, описание облавы на волков в стихотворении

В. Высоцкого “Идет облава на волков...” позволяет установить следующий сценарий: “облава” - это охота, при которой окружают место, где находится зверь, а затем гонят его на стрелков.

Следовательно, концепты способны передавать концептуальную информацию разного типа - от элементарных до сложнейших концептуальных структур высшей степени абстракции.

Определение типа концепта - это результат применения пункта №1 нашей методики. Остальные пункты (со второго по шести) раскрываются в том порядке, который будет продемонстрирован во второй главе данного

пособия.

Блестящим образцом описания концепта можно считать мо~ (ель, предложенную Е.С.Кубряковой в ее статье: Кубрякова Е.С. ('смантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Сер, Языка и лит., 1999, т.58, №5-6.

2.3 СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА *WORK* - ОСНОВНОГО ЭЛЕМЕНТА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА

*Work*¹ /wɜ:k/ n 1 [U] use of bodily or mental powers with the purpose of doing or making sth (esp contrasted with play or recreation); use of energy supplied by steam, electric current, *are you fond of hard? The building the new bridge took six months. It was the work of a moment* (= only a moment was needed) *to turn the key in the lock and make him a prisoner. It was very hard work getting to the top of the mountain. This is the -v of an enemy, an enemy has done this. Machines now do much of the work formerly done by man. Make hard work of sth, make it seem more difficult than it is. Make short work of sth, finish it quickly. set/get to work (on sth/to do sth), begin; make a start, set/go about one's start doing it: You're not setting about your work in the right way. At work (oh sth), busy or occupied with (indicating uncompleted ~ in progress), all In the day's (used to indicate that sth is) normal; what is usual or to be expected. 2 [u] what a person does to earn a living; employment: *What time do you get to (your) work every day? The men were on their way to work. It is difficult to find work during a depression, at one's place of employment: He's at work now, but he'll-be back at six. In/out of having/not having employment: He has been out of work for a year. He'll be glad to be in regular work again.**

Hence, (attrib *adj*), out-of-'work. 3 [u] sth to be done, not, necessarily connected with a trade or occupation, not necessity for payments' *I always find plenty of work that needs doing in my garden. I have some work for you to do.* 4 fu} things needed or used for *She took her work* (eg. her sewing materials) *out on the verandah-bag/-basket/ -box n bag, etc for holding such things, esp for*

sewing. 5 {ul that which is produced by *The work of famous silversmiths and sculptors may be seen in museums. What a beautiful piece of the villagers sell their work* (eg needlework, wood-carvings, metal articles) *to tourists.* c> also compounds such as *stones, wood~* at stoned), wood (4). 6 [C] product of the intellect or the imagination: *the ~s of Shakespeare; the of Beethoven.* c> opus; *of art; a new ~* (= musical composition) *by John Lewis; a new ~* (= book) *on modern art.* 7 (*pi*) moving parts of a machine: *the of a clock or watch. There's something wrong with the* 'vs. 8 (*pi*, with *sing* or *pl v*) building(s) where industrial or manufacturing processes are carried on: *a 'gas- ~s; an 'iron-^s; a 'brick-^s. The 'steel-^s was/were closed for the Christmas holidays.* works council/committee, joint council of representatives of employers and employees to deal with problems of management, labour relations, etc. 9 public ~s, the building of roads, dams, embankments; other engineering operations (by government departments, etc): *the Ministry of Public Building and* (until 1971) government department (now part of the Department of the Environment) responsible for these operations. 10 (*pi v*) (cf ¹ *earth^s, 'out^s*) defensive structures; fortifications: *The works were thought to be impregnable.* 11 (compounds) '~-bench *n* table at which a mechanic does his work-book *n* book with outlines of a subject of study, with questions to be answered (in blank spaces, in writing), for notes, etc. work-day *day* for work; day which is not a Sunday or a holiday. Force *n* total number of men working in a particular factory, etc. '-v-house *n*(a) (GB hist) public institution for homeless people, (b) (US) place where those who have committed small crimes are confined and made to work. Work - mart /-man/ *n* (*pi* -men) (a) man who earns a living by physical labor or at machines, etc. (b) person who works in a specified way: *a skilled/quick, etc workman.* work-mar like *adj* characteristic of a good ~man. 'Work - manship /-тзп/ *n* [U] quality as seen in sth made: *articles of poor/excellent 'workmanship;* person's skill in doing ч-room *n* room in which ~ is done. workshop *n* room or building in which things (esp machines) are made or repaired, v-shy *adj* disinclined to work; lazy, "'--study *n* (*pi* -dies) study of

how work may be done efficiently and economically (eg by observing the sequence of movements in an operation, time needed, etc). ~-table *n* (esp) table with drawers for sewing materials, etc. ~-a day /'w3:kadei/ *adj* commonplace; dull: *this^aday world/life*. work² /w3:k/ *vi,vt* (*pt,pp*~ed or wrought /ro:t/) (For uses with *adverbial particles* and *preps*, *c* > 10 below. For uses with *wrought*, o wrought). 1 [VP2A,B,C,3A,4A] do work; engage in physical or mental activity: *He's been ~ing hard all day. The men in this factory work 40 hours a week. Most people have to ~ in order to live*, ie to earn a living. *He isn't working now*, eg because unemployed or retired. *Have British statesmen always worked for peace? tie's working; at* (= studying) *Physics and Chemistry: Greenis ~mgi6n* (~ writing) *a hew novel This man ~sin leather*, is a craftsman in; leather. *'Me has always worked against* (= opposed) *reform. rate, φ ruled*), ^-m и occasion when workers continue to ~ in a factory to protest against' proposed dismissal, closure of the factory-, etc; 2 [VP2A;C] (of a machine., apparatus, bodily organ, plait method, etc) do what it is designed to do; have the desired result; function; operate: *The lift/elevator/bell/telephone is not hang. The gears work smoothly. This machine works by electricity. My brain doesn't seem to be working well today. Will this new plan/scheme/method the charm worked. It worked like a charm.* 3 [VP6A, ISA] cause to work; set in motion: *He his wife/himself too hard. Don't work yourself/your poor wife to death. She was working the treadle of her sewing-machine. This machine is worked by steam/electricity.* 4 [VP6A] produce or obtain as the result of effort: *work wonders/a cure/ harm/mischief.* Work *one's passage*, earn it by working: *He his passage from England to Australia*, by working on the ship. Work *one's way* (*through college, etc*), have a paid job, while studying to meet costs: *He's working his way through medical school work one's will* (*on sb*), make him do what one wants him to do. Work *it*, (*si*) bring sth about (by scheming, etc): *I'll work it if I can*, eg by using influence, cajolery, etc. 5 [VP6A1 operate; control; be employed in the management of: *work a mine. This salesman the North Wales area*, travels there as a salesman. 6 [VP2C,D,15A,B,22] (cause to) move into, reach, a new state or

position, use by degrees or with a succession of small movements: *Your shirt has out*, has come out from above the top of your trousers. *One of the screws has loose*. *The rain had through the roof*, had penetrated it slowly. *Can you work the stone into place*, eg when building a stone wall? *The men worked their way forward*. *Many months later the splinter worked out of her arm*, came out after travelling through the flesh from the point at which it had entered. *The wind has worked round to the south*, changed direction by degrees. 7 [VP6A] make or shape by hammering,, kneading, pressure, etc: work *clay*, knead it with water; work *dough*, (when making bread). Wrought for *wrought iron*. 8 [VP2A] ferment; move in an agitated way: *The yeast began to work*, to ferment, eg in dough. *His face/features began to work violently*, twitch, etc in a way showing agitation. 9 [VP6A.14] make by stitching; embroider: work *a design on a cushion- cover/one's initials on a handkerchief*. 10 [VP2C,3A,14,15B] (special uses with *adverbial particles and preps*) :

Work away (at sth), continue to work: *He's been working away at this job since breakfast*, work 'in'; work *into sth*, (O 6 above) penetrate; find a way in/into: *The dust has worked in everywhere*, eg into a house during a sandstorm. Work *sth in/into*, introduce; find a place for: *Can't you work in a few jokes/ a few jokes into your story?* work *sth off*, get rid of; dispose of; deal with: work *off arrears of correspondence/superfluous energy/one's excess weight*, work *on/upon sb/sth*, excite, influence: *Will the high figure for unemployment ~ on the conscience of the Government?* *The sufferings of the upon our feelings so much that we gave hem all the help we could*.

above: *on a new novel, etc*. work *out* (a) be capable of being solved: *This sum/problem mil not work out*. (b)be, him out, in the end: *How will things work out?* *The situation work editor quite well*. *The total out at £10*. *How much does it work out at*, What's the total? (c) Above.

(d) Exercise. Train (for a contest): *The Champion is working out in the gym this morning*. Hence, work out period, form, of training or exercise. Work *sth out*,

(a) Calculate: *I've worked out your share of the expenses at £5.* (b) Get results for: *I can't work out these algebra problems,* (c) devise; invent; develop in detail: *a well worked out scheme. They've read out a method of sending a spacecraft to Mars. You must work out your own salvation,* find a way of saving yourself by your own efforts, (d) solve: *He was working out some coded messages,* (e) (usu passive) exhaust by using, operating, etc.: *'That silver-mine is now worked out,* has no more ore. *Work up to sth,* advance steadily to a high level:

The orchestra was working up to a crescendo. *Work sth up,* (a) make by degrees; bring to an efficient or satisfactory condition: *work up a business,* (b) excite; stir up: *work up the feelings of an audience.* ~ *sb/oneself up (into),* rouse to a high point (of excitement, etc): *He worked himself/everyone up into a frenzy/ragefatate ~of hysteria. The audience was.*

Eely worked up by this time, work upon sb/sth. *O work on sb/sth above.*

work; (werk), n., v., worked or wrought, working *adj.* —

1. effort in doing or making something: *hard work.*
  2. something to do; occupation; employment: *he is out of work.*
  3. something made or done; result of effort: *a work of art.*
  4. that on which effort is put; task: *she did her work at a desk.*
  5. *Physics,* a. transference of energy from one body or system to another.
  - b. that which is accomplished by a force when it acts through a distance.
  6. fortification.
  7. an engineering structure.
  8. works (*often sing, in use*), place for doing some kind of work; factory.
  9. works, the moving parts of a machine or device: *the works o/ a watch.*
  10. works, righteous deeds.
  11. at work, working.
  12. make short work of, do or get rid of quickly.
- work; labor: *most people must work for a living.*
1. be employed: *he works at an airplane factory,*

2. carry on operations in (districts, etc.): *the salesman worked the eastern States.*
4. put effort» on: *he worked his farm with success.*
5. act; *operate, esp. effectively*: this pump will not work, the plan worked.
6. *put Into operation; use; manage*: work a scheme.
7. *cause to do work*: he works his men long hours.
8. *treat or handle in making; knead; mix*: work dough.
9. *make, get, do, or bring about by effort*: he worked his way through college.
10. *move as if with effort*: his face worked.
11. *bring about; cause; do*: the plan worked harm.
12. *go slowly or with effort*: the ship worked to windward.
13. *come or become (up, round, loose, etc.)*: the clay has worked up through the crushed ston« on the tennis court, the window catch has worked loose.
14. *form; shape*: he worked a silver dollar into a bracelet.
15. influence; persuade: *work men to one's will.*
16. move; stir; excite: *don't work yourself into a temper.*
17. solve: *work all the problems on the page.*
18. *Colloq. flatter or trick (a person) to get something*: *work a friend for a loan.*
19. ferment: *yeast makes beer work.*
20. make or decorate by needlework.
21. work in, put In.
22. work off, get rid of.
23. work on or upon, try to persuade or influence.
24. work out, a. plan; develop, b. solve; find out. c. use up. d. give exercise to; practice, e. accomplish, f. result.

25. work up, a. plan; develop, b. excite; stir up. —*adj.* of, for, or pertaining to work: *a work horse*. [OE *weorc*] —work'a-ble, *adj.* work' ability, workableness, *n.* —wordless, *adj.* —Syn.

n. 1. exertion, labor, toll, industry. 2. product, achievement, feat, deed. 3. toil, drudge, strive. 4. perform. 5. execute. 6. accomplish, effect. 7. fashion

2.4 ВЫВОДЫ ПО II ГЛАВЕ

Содержание концепта WORK, таким образом, характеризуется релятивностью, что сближает его в этом плане с модусными концептами, имеющими связи с несколькими компонентами концептуальных областей, которые служат источниками их содержания.

Дискурс «производственного» романа является разновидностью массовой коммуникации, объединяющей в себе три стратегии: художественного произведения, документального произведения и социальной рекламы, отражая наиболее яркие стереотипы, существующие в культурном пространстве нации.

Концепт WORK подвергается стерео типизации в дискурсе «производственного» романа, становясь средством направленного воздействия на сознание и, в конечном счете, на поведение индивида и целых социальных групп.

Дискурс рекламных объявлений о найме на работу является разновидностью массовой коммуникации и объединяет в себе стратегии идеолого-манипулятивного типа дискурса и черты жанра «торговой речи», предполагающей два типа участников: продавца и покупателя. Специфика модели торга заключается в том, что и соискатель, и работодатель одновременно выступают каждый в двух ролях: в роли продавца и в роли покупателя. В рекламном дискурсе представлен только один аспект торговых отношений, где работодатель является продавцом вакансии, а соискатель ее потенциальным покупателем.

Концепт WORK в рекламном дискурсе приобретает характерные черты имиджа как когнитивной структуры знания, формируемой • на базе стереотипа, заимствованного из художественной литературы и переосмысленного в рамках метафорической модели торго.

Вариативность концепта WORK базируется на признании принципа многовариантности и многопричинности явлений действительности и релятивности концептов, что предполагает, что одно и тоже ментальное образование может актуализировать и формировать из уже имеющихся когнитивные признаки концепта, соответствующие целям и условиям конкретного типа дискурса.

ГЛАВА III. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ В ДИСКУРСЕ С КОНЦЕПТОМ *WORK*

3.1 Формы и направления речевой стратегии в дискурсе

Активное развитие коммуникативной лингвистики в 20 веке ознаменовалось значительными успехами: изучены модели коммуникации, определена структура коммуникативной ситуации, установлены средства коммуникации - вербальные и невербальные, типизированы виды общения, определены законы и правила общения. Активно изучаются формы публичной коммуникации, эффективность делового общения, проблемы межкультурной коммуникации; описывается специфика национальной коммуникации, стереотипные коммуникативные ситуации (Бацевич, 2004; Богданов, 1990; Винокур, 1993; Верещагин, 1991; Почепцов, 1999).

В информационную эпоху язык воспринимается уже как средство достижения цели. Стремление добиться результата порождает планирование, которое определяет стратегию и тактику речевого поведения.

Речевые стратегии и тактики - это составляющая эффективности речевого общения, что делает их исследования актуальными, особенно в прагматическом аспекте. Сегодня по преимуществу эффективность коммуникации активнее всего изучается применительно к сфере делового общения, политического дискурса, психоанализа. Однако такие исследования могут быть полезны в практике организации других коммуникативных сфер, включая, в частности, обучение, бытовые ситуации и даже любовную коммуникацию - ср. распространение сборников любовных писем в 18-19 веке. Таким образом, актуальность заявленной темы обусловлена пристальным вниманием как социума, так и лингвистики к феномену эффективности коммуникации, о чем свидетельствуют как научные публикации, так и курсы и тренинги общения, которые появляются как грибы после дождя.

Идеальным объектом для изучения стратегий и тактик безусловно является непосредственная коммуникация, однако её трудно фиксировать по этическим соображениям. Богатый и интересный материал представляют

телевизионные интервью, если они проводятся в прямом эфире. Однако и здесь следует учитывать возможное предварительное ознакомление адресата с вопросами, мешает также тематический разброс вопросов. Более показательны ток-шоу, в которых дискутируют по какому-либо вопросу два участника, как например передача на канале НТВ «К барьеру» с В. Соловьёвым. Вмешательство ведущего способно сбить стратегию, вызвать варьирование тактик, но это тоже показательно, ибо способствует выявлению типа коммуникативной личности участников диалога.

Возможность обращение к художественному тексту, который является не естественной коммуникацией, но созданной, смоделированной автором, можно аргументировать несколькими факторами. Во-первых, реалистическая проза может быть рассмотрена как аналог действительности: в ситуациях и героях мы узнаем себя и жизнь - и именно этим литературное произведение нам интересно, т.е. художественная литература подражает жизни, она миметична. Во-вторых, жизнь подражает художественным произведениям, поток «юных Вертеров» после публикации одноименного произведения; применительно к нашим временам и речевому поведению ср. появившееся повсеместно во всех слоях населения после знакомства с американскими фильмами - *это твоя проблема*. Таким образом, наблюдаем в жизни смешение реальности и вымысла. Художественные произведения, их образы, общение, слова и фразы входят в картину мира социума - прямо или косвенно. И в- третьих, прямое общение влюбленных почти недоступно для наблюдения.

Стратегии базируются на общих знаниях и когнитивных моделях социума и индивида, что составляет большую проблему для реализации стратегии, поскольку нет единого для всех носителей языка представления о предпочитаемом взаимодействии. Прогнозирование результатов той или иной стратегии осуществляется путем прецедентов: если подобная фраза в прошлом личном опыте или просмотренном фильме, прочитанной книге и т.д. дала позитивный результат, адресант может надеяться на его повторение в своей ситуации. Нарушение прогноза возможно по трем

причинам: неверная интерпретация; неадекватный стратегическому плану коммуникативный ход; нераспознанные мотивы адресата (см.: Бацевич, 2000; Ермакова, 1993).

Речевая тактика может сохраняться или изменяться в ходе диалога (или монологического высказывания) в зависимости от реакций адресата. Таким образом, стратегия и совокупность подчиненных ей тактик составляет некий сценарий или план достижения речевыми средствами неречевых целей, удовлетворения мотивов коммуникации.

Все виды стратегий представляют собой некоторые гипотезы относительно будущей ситуации и обладают большей или меньшей степенью вероятности. Наше общение состоит из серии решений: сказать или нет; определить семантический акцент; выбрать лексемы и семантическую модель; установить последовательность коммуникативных актов. В обычной беседе мы об этом не задумываемся, но в сложных, в ответственных, критических случаях рефлексующий говорящий учитывает все или ключевые позиции. Чем больше позиций учтено, тем успешнее коммуникация - понятно, при заданных условиях.

Для характеристики стратегий и тактик важно определить модель коммуникации в зависимости от темы, а также характер воздействия на адресата. Любовное общение в его классическом понимании, как оно представлено в повести, может быть охарактеризовано как устное, преследующее предметную цель и включенное в другие виды деятельности, неофициальное, неформальное, но социально нормированное, по преимуществу межличностное, но и интрасубъектное, лично ориентированное, инициативное и вынужденное, активное, гетерогенное, периодическое, истинное и ложное одновременно. Но культурно-исторические условия могут существенно изменить типологию: например, виртуальные романы во «всемирной паутине» вряд ли включены в другие виды деятельности.

Речевые стратегии входят в иллокутивное поле и являются основой

речевого воздействия на адресата. Особенно широко эта проблема изучена за рубежом (см.: Блакар, 1987; Стросон, 1987), однако в последние десятилетия она находится и под пристальным вниманием русистов (Баранов, Паршин, 1986; Верещагин, Райтман, Ройтер, 1992; Германова, 1993; Демьянков, 1982; Почепцов, 1999; Седов, 1997; Федоров, 1991; Шмелева, 1995). Феномен речевого воздействия связан с целевой установкой говорящего, который стремится регулировать физическую, интеллектуальную деятельность адресата, его эмоции. Такой тип дискурса называют персуазивный, неравноправным. Л. Федорова (Федорова, 1991), определяет его как однонаправленный. Однако следует иметь в виду, что в процессе коммуникации его участники могут меняться местами; иногда мы имеем более сложную модель: адресат не только реагирует на воздействие, направленное на него, но и сам пытается воздействовать на партнера при помощи тех или иных ходов - тактик.

Любовная беседа, безусловно, является способом воздействия на партнера. Речевые стратегии могут быть проинтерпретированы в рамках разных концепций: теории речевой деятельности, теории коммуникации, когнитивного анализа дискурса. Для характеристики речевого поведения в ситуации любовной беседы или флирта, как собственно, и для любой другой коммуникативной ситуации, может быть привлечена идея фрейма как стереотипной ситуации в интерпретации М. Минского. Теория М. Минского представляет фрейм как подвижную структуру, в которой имеются обязательные компоненты и ячейки / слоты / щели, которые можно заполнить новыми, запоминающимися элементами. Фрейм, который отражает коммуникативную ситуацию, именуется сценарием. Яркий пример сценарного речевого поведения фиксируем, например, в фильме «Иван Бровкин на целине»: главный герой в снях репетирует первую фразу, должную мотивировать его приход в дом возлюбленной: *«Разрешите засвидетельствовать свое почтение»*, но, войдя в комнату, сбивается на втором слове. Вспомним также тактики знакомства с

девушками героя Панкратова-Черного в фильме «Где находится Нофелет». Понятно, что тактики личного знакомства меняются в культурно-исторической перспективе. Как свидетельствует художественное творчество, до войны в русской речевой культуре инициальная фраза знакомства представляла собой вопрос - *не скучает ли девушка или молодой человек*. При ведении беседы ключевые слова могут изменить сценарий, ввести новый слот или подфрейм. Особенно это проявляется в таком тонком и чувствительном общении, как любовное. Применительно к теории речевой деятельности (в понимании школы А.Н. Леонтьева) (Леонтьев, 1974), коммуникативные стратегии и тактики должны быть интерпретированы в контексте понятий цели, мотива, действия, результата. Превращение мотива в мотив-цель, выбор одной из нескольких целей, выделение промежуточных целей и определение способов их достижения составляют, по мнению О. Иссерс, механизм речевых стратегий.

Зарубежные исследователи разграничивают два вида целей: во-первых, это желание быть эффективным, а во-вторых - необходимость приспособиться к ситуации. Коммуникация Владимир - Зинаида отвечает такому взгляду, но акценты в целях противоположны: Владимир стремится, в первую очередь, быть эффективным, он является инициатором общения, хотя и вынужден уступать Зинаиде, дабы сохранить возможность контактов; Зинаида скорее стремится приспособиться к ситуации, хотя постоянно делает попытки добиться эффективности, создать позитивный образ.

Установление цели / мотива / намерения представляет методическую проблему в анализе коммуникативных стратегий и тактик, поскольку в естественной речи объективно данными для наблюдения являются речевые высказывания и вариативно - результат, а цель - виртуальна. Н. Павлова (Павлова, 1997) и Т. Ушакова (Ушакова, 1997) предложили для моделирования намерения метод интент-анализа. Авторы исходят из того,

что все, что есть в речи, включая и широкий контекст, «подчинено интересам говорящего и подчинено ими» (Павлова, 1997, с. 111). Суть метода состоит в переводе действия на язык намерений. Понятно, что метод характеризуется некоторой субъективностью. Однако человеческие желания и логика поступков во многом универсальны; кроме того, если исследователь и анализируемый дискурс принадлежат к одной национально-коммуникативной культуре, степень субъективности дополнительно существенно снижается; особенно, если исследователю известны стратегии коммуникантов.

Известную роль в организации любовной коммуникативной ситуации играют максимы П. Грайса, которые представляют принцип сотрудничества. Известно, что в обыденной жизни они часто нарушаются, но в ситуации взаимности в отношениях коммуниканты стремятся поддерживать разговор в позитивном ключе. Что касается коммуникации Зинаида - Владимир, то принцип сотрудничества реализует Владимир, как лицо зависимое, тогда как Зинаида действует исключительно под влиянием эмоционального порыва и тонкого расчета, который может предусматривать и разрыв коммуникации. При описании коммуникативной стратегии необходимо представить, выявить набор типичных тактик, реализующих данную стратегию. Предполагается, что в языковом национально-культурном сознании они существуют и на них осознанно или неосознанно ориентируется.

Так как речевые стратегии и тактики реализуются в ходе диалогов, важнейшим звеном в их анализе является материал речевого акта. В речевом акте традиционно выделяют следующие составляющие: иллокуцию, локуцию, перлокуцию. С точки зрения стратегии важно соотношение цели - мотива, которые представляют иллокуцию, и результата, который может быть в разной степени эффективным. Обеспечение эффективности выбранной стратегии, или применительно к речевому акту — тактики, очень зависит от эпистемического состояния

говорящего, то есть от его знания общей и частной ситуации общения, контекста, способности прогнозировать свой образ у адресата. Таким образом, планирование речевого поведения предполагает учет уровня соответствия условий коммуникации успешному осуществлению коммуникативного акта, то есть предполагаемой, планируемой перлокуции.

В качестве основной единицы анализа плодотворно использовать категорию минимального диалогического единства, которую выделили А. Баранов и Г. Крейдлин (Баранов, Крейдаин, 1992). Под минимальным диалогом понимается последовательность речевых коммуникантов, при этом:

- 1) все реплики связаны единой темой;
- 2) диалог начинается независимым актом и завершается зависимым;
- 3) все отношения иллокутивного вынуждения выполнены;
- 4) внутри данной последовательности не существует другой последовательности, которая удовлетворила бы требования 1-3 положения.

Минимальные диалогические единства могут быть интерпретированы в рамках жанра; применительно к нашему материалу это могут быть жанры объяснения в любви, предложения руки и сердца, приглашение на свидание, возможны и другие.

В работе О. Иссерс (Иссерс, 2002, с. 115-127) продемонстрирована возможность представления взаимосвязи коммуникативных ходов и тактик на материале диалога Остапа Бендера и Ипполита Матвеевича в виде таблицы. Автор рассматривает коммуникативный ход как минимальную диалогическую единицу, то есть обязательно учитывает реакцию партнера. Именно этим он отличается от коммуникативного акта: ход подчинен тактике, он ее реализует. Для описания речевой тактики О. Иссерс выделяет семь позиций. Попробуем верифицировать эту идею на материале коммуникации Владимир - Зинаида.

Информация о предстоящей коммуникации, которой владеют

коммуниканты. Здесь предполагается анализ знаний:

а) о типах речевых актов: — в нашей ситуации воспитанных в свете молодых людей мы предполагаем их достаточность;

б) знание когнитивных рассуждающих, своих и партнера, - их можем охарактеризовать в отношении Владимира недостаточными;

в) представление о будущей ситуации общения - в общей структуре коммуникации Владимир - Зинаида их можно оценить как несовпадающие.

1. Позиции участников диалога, в общем, оцениваем как несимметричные, при этом позиция Владимира слабая, а Зинаиды сильная; Владимир пытается усилить свою позицию путем саморепрезентации.

2. Установка коммуникантов кооперацию или конфронтацию. В ситуации общения Владимира и Зинаиды поддерживается установка на кооперацию (сознательная со стороны Зинаиды, несознательная — Владимира). Условия успешности выбранной тактики. Говорящий оценивает условия успешности исходя из существующей национально-культурной социально ролевой конвенции. В случае исполнения принятых правил, он вправе рассчитывать, что она будет принята (ср., например, сумасбродные идеи Зинаиды, которой как женщине позволены капризы), хотя это не дает гарантии позитивного результата.

3. Перлокутивный эффект. Здесь важно различать коммуникативные неудачи, типология которых представлена в работах О. Ермаковой и Е.Земской, Ф. Баневича и др., и недостижение цели коммуникации. В нашем случае в отношении Владимира они часто расходятся: благосклонность Зинаиды отнюдь не означает сближения, а коммуникативные неудачи не ведут к разрыву.

1. Возможные ходы для реализации тактики. Здесь мы должны отметить неравновесность ситуации. Зинаида обладает большим набором фреймов в разных вариациях, тогда как Владимир только начинает образование в сфере флирта и любовной коммуникации.

2. Языковые средства, обеспечивающие тактику. Полагаем, что в

коммуникации Владимир - Зинаида партнеры в общем равновесны. Владимир образованный молодой человек, готовящийся к поступлению в университет, Зинаида, будучи княжной, конечно, имела учителей, и в своем возрасте прошла школу светского общения. Однако здесь имеется в виду способность и готовность эксплицировать прямо или намекнуть о своих мотивах, что в условиях «протолюбовнош» общения достаточно затруднительно по психологическим мотивам.

Таким образом, исследование стратегий и тактик коммуникации в русле теории речевой деятельности предполагает следующие шаги:

- определение модели коммуникации с учетом темы, участников и условий коммуникации;
- установление типов взаимодействия коммуникантов;
- моделирование мотивов и целей участников коммуникации;
- определение единицы анализа;
- установление взаимосвязи речевых стратегий и тактик;
- выявление возможной динамики стратегии и вариативности тактик в зависимости от иллокуции и перлокуции;
- описание речевых приёмов реализации тактик;
- уяснение эффективности стратегий и тактик;
- определение типа языковой личности и коммуникативного поведения участников общения.

В результате анализа коммуникации главных героев Владимира и Зинаида мы выделили 15 коммуникативных ситуаций, которые в зависимости от реализуемых стратегий распадаются на 5 групп:

- 1) реализация стратегии Владимира на сближение (главы 2-8);
- 2) колебание стратегии Зинаида в связи с развитием отношений с отцом (главы 9-14);
- 3) реализация стратегии Зинаиды на дружбу с Владимиром (глава 15-19);
- 4) реализация стратегии Владимира на разрыв (главы 20-21);

5) стратегия Владимира на оправдание героев (глава 22).

3.2 МАКРОСТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ТИПОВ ДИСКУРСА

В связи с первостепенной важностью, придаваемой выведению макроструктур при обработке сложной информации, пользователям языка крайне необходимо сделать правильные предположения относительно того, о чем повествует фрагмент дискурса. Для вывода макропропозиции ими используются эффективные стратегии. В отличие от макроправил, радиус действия которых распространяется на целые последовательности пропозиции, для подобных стратегий достаточно всего нескольких „ключей“, чтобы выработать гипотезы с большей силой предсказуемости. Это становится возможным только тогда, когда для выработки таких гипотез используется вся значимая информация — не только текстовая, но и контекстуальная, а также большое количество знаний о мире. Как только в результате анализа, направленного снизу вверх, эта гипотеза — **макропропозиция** — выведена, она может использоваться при понимании последующих предложений „сверху вниз“, что, конечно, позволяет проверить ее правильность.

Построить гипотезы относительно дальнейшего хода событий с одинаковой точностью для всех дискурсов невозможно. Но даже если отдельные предложения нельзя предсказать детально, темы многих дискурсов более или менее стереотипны. Поскольку в событиях и действиях очень много повторяющихся черт, то этими чертами на **макроструктурном** уровне будут наделены и сообщаемые о них дискурсы. Таким образом, в новостях мы можем ожидать, что если русские поступают таким-то и таким-то образом, то американцы будут действовать так-то и так-то (**Carbone 11, 1978**). Иначе говоря, при наличии информации на определенную тему мы можем предсказать, что случится дальше. Это справедливо и для ненаучной литературы (романтических историй, детективов и т. д.) и даже для сообщений по психологии. Другими

словами, наше знание об условиях и следствиях в реальном мире часто служит для нас базой формирования контекстных ожиданий относительно дальнейшего хода повествования в дискурсе. **Понятно**, что некоторые типы дискурсов могут изображать свой особый мир, не всегда подобный реальному миру: в повествовании мы можем ожидать счастливый конец, даже если в жизни мы думаем иначе.

С другой стороны, не все типы дискурсов можно предсказать таким образом. По понятным прагматическим причинам **большая** часть сообщаемой информации должна по крайней мере быть новой, то есть дискурс часто повествует о непредсказуемом или неожиданном. В бытовых рассказах и новостях обычно говорится о смешном, опасном или интересных в каких-либо еще отношениях **действиях** или **событиях**. Статья по психологии или учебник должны содержать информацию, которую мы прежде не знали и не можем сразу предсказать. Конечно, бывают *№* промежуточные случаи: при наличии сообщения о неожиданном **событии** или действии мы можем на основании нашего знания о мире сформировать контекстные ожидания о вероятном ходе событий.

Таким образом, **один** тип макростратегии основывается на нашем знании о мире. Поскольку дискурс повествует о реальных или вымышленных мирах, относительно которых мы уже обладаем большим количеством знаний и убеждений, то мы знаем, что ожидать дальше.

Другой набор стратегий касается наших знаний относительно определенных типов дискурса. Мы имеем представление о том, какие действия или события описываются обычно в дискурсах разных жанров: в новостях мы ожидаем сообщений о политических событиях и действиях или еще каких-либо важных событиях, например **бедствиях**, но не о банальных, неинтересных **повседневных** действиях или событиях. Поэтому, как представляется, большая часть типов дискурса имеет ограничения на диапазон возможных тем, который мы можем назвать **тематическим репертуаром** определенного типа дискурса. Понятно, что границы этого

репертуара четко не определены, они зависят от интересов, ценностей и социокультурных норм. Что интересно и заслуживает внимания сегодня и здесь, не всегда будет таким завтра и в других местах.

Дискурс — это существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого интересы, цели и стили. Изменения и ограничения находят свое проявление в дискурсе в виде определенных тематических репертуаров. Для нашего обсуждения это значит, что пользователи языка могут формировать гипотезы относительно того, что будет или может быть сказано, кем и в какой ситуации, по крайней мере, в общем, то есть на уровне макроструктур. Действие этих ограничений настолько сильно, что нас редко удивляет выбор тем в соответствующих ситуациях. И если незнакомец в автобусе начнет нам неожиданно рассказывать о своей интимной жизни или проблемах, связанных с подоходным налогом, мы почувствуем себя крайне неловко. Если в подобной ситуации вообще возможен разговор, он должен затрагивать в основном темы, связанные с поездкой в автобусе, и, возможно, стереотипные вопросы (погода), важные события (убийство в городе) или другие темы общественной значимости, и только затем разговор может быть обращен к личным темам—главным образом к поведению. Как видно из этого примера, репертуар тем упорядочен, существует определенная иерархия тем, определяемая в терминах вероятности или приемлемости. Степень Вероятности оказывает влияние на наши ожидания относительно возможных тем в каком-либо дискурсе и, следовательно, на вывод гипотетической макропропозиции еще ДО начала дискурса или его фрагмента.

Таблица I. Контекстуальная информация для макростратегий.

1. Общекультурные знания

- а) обычные для данной группы виды деятельности и цели
- б) характерные события или действия (иапр., ритуалы)
- в) специфические биофизические обстоятельства (натгр., климат,

ландшафт, животные, растения)

г) конкретные объекты (напр., промышленные инструменты)

2. *Социокультурная ситуация* (компонент 1)

а) типы ситуаций (напр., завтрак, поездка в автобусе, визит, судебное разбирательство, бракосочетание)

б) категории участников

(i) функции (водитель автобуса, судья, врач)

Ф) роли (мать, друг)

(Hi) социальные характеристики (половые, возрастные и т.д.) (iv> индивидуальные характеристики (характер, интересы, цели)

в) типичные события и взаимодействия (помогать, консультировать, платить)

г) конвенции (законы, правила, привычки)

3. *Коммуникативные ситуации* (компонент 2)

а) общие цели коммуникативного взаимодействия

б) глобальные и локальные речевые акты

в) актуальный референциальный контекст (присутствие людей, объектов).

Как можно видеть из табл. 1, дискурсы и их темы не появляются из ниоткуда. Предполагается, что пользователи языка всегда активны как члены общества и как личности при глобальной и локальной интерпретации их окружения. Они производят категоризацию тех ситуаций и взаимодействий, свидетелями или участниками которых они являются.

3.3 Выводы по III главе

Рассмотренные нами неформально стратегии или этапы стратегий, базирующиеся на различных типах информации, могут быть названы *контекстуальными*. Это значит, что даже при отсутствии конкретной информации, получаемой из самого дискурса, пользователи языка устанавливают по крайней мере репертуары тем для каждой коммуникативной ситуации. Эти тематические репертуары в свою очередь ограничиваются культурными нормами, социальной ситуацией, спецификой коммуникативного события или речевого акта. Различными социальными параметрами (ролями, положением, статусом, половыми, возрастными) и другими особенностями. И наконец, личностными характеристиками — целями, интересами, планами и самой личностью говорящего.

Имея четкие представления о типах информации, используемой контекстуальными макростратегиями, мы до сих пор еще не располагаем сведениями об их точных формах, упорядоченности и других когнитивных ограничениях. Хотя мы не можем здесь это рассматривать, очевидно, что в самом широком смысле выбор возможных тем дискурса зависит от организации наших общекультурных знаний. У нас, возможно, также нет и готовых списков тем разговоров в автобусе, на вечеринке или за завтраком, поскольку количество таких списков и их большой объем сделали бы невозможным их практическое и, следовательно, стратегическое применение в большинстве ситуаций. Неясно также, каким образом мы узнаем о том, что та или иная тема неприемлема в определенной коммуникативной ситуации. Не представляется также возможным составить список тем, не употребляемых в тех или иных ситуациях, за исключением краткого списка табу.

Поэтому при рассмотрении контекстуальных стратегий нам следует начать с более конкретного уровня — социокультурной и коммуникативной ситуации. Эти ситуации довольно хорошо детерминируются типами социального контекста и типами действующих лиц, их возможным взаимодействием, а также местом и совокупностью

объектов. Следовательно, наиболее вероятные темы для таких ситуаций — те, которые относятся к типичным событиям и характерным взаимодействиям. В некоторых случаях такие темы обязательны: в учебной аудитории, в суде или при посещении врача нам приходится говорить об одних вещах и запрещается говорить о других. Чтение лекции или дача свидетельских показаний уже по своей сути ограничивают репертуары возможных тем. Кроме типичных объектов или событий, которые могут характеризовать эти ситуации и потому фигурировать в качестве возможных тем, на выбор тех или иных тем влияют также цели, интересы, мнения или установки участников коммуникативного взаимодействия.

В свете вышесказанного попытаемся систематизировать различные блоки контекстуальной информации, используемой для определения возможных тем дискурса или его фрагментов. Этот список будет более или менее упорядоченным, но в зависимости от коммуникативного контекста пользователь языка может попросту перескочить через наиболее общие культурные уровни. Информация, представленная в таблице 1, предопределяет возможные или невозможные темы для говорящих.

4.0 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Картина мира» мыслится как глобальный образ мира, тезаурус сценариев, схем, фреймов и других структур знания о типичных ситуациях. «Модель мира» предстает как результат субъективной интерпретации национальным сознанием окружающего мира. Субъективность «модели мира» нации условна, она включает знания особого типа, условно называемые «субъективными»: ценности и их иерархии, другие конструкты, обобщающие опыт индивида и социума. Важной составляющей «модели мира» каждой нации являются знания, которые связаны с трудом, с рабочей деятельностью. Работа : — это не только политико-экономическая, но и нравственная, мировоззренческая категория. По значимости труда, по его оценке в обществе, можно во многом судить об идеалах общества, о его смысле жизни. Работа как ценность является компонентом ценностной картины мира любой нации.

Ценностная картина мира выступает частью «модели мира», которая отражает самосознание нации, исторически видоизменяющееся в процессах групповой рефлексии над ценностной значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека. Идеализированная «модель мира» охватывает далеко не все компоненты и параметры естественного мира, оценивается только то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству (Арутюнова, 1999).

Отношение к работе как к базовой ценности культуры нации определяется двумя группами факторов: с одной стороны, функциональной -категоризацией, то есть формируется в процессе непосредственного опыта индивида, обусловленного потребностно-мотивационной сферой человека, с другой - коммуникативной (дискурсивной) деятельностью, в которой «модель мира» бесконечно интерпретируется. Под дискурсивной деятельностью (дискурсом) понимается ограниченный определенными временными и общими хронологическими рамками процесс использования языка. Обусловленный

и детерминируемый особыми типами социальной активности людей, преследующий конкретные цели и задачи и протекающий в достаточно фиксированных условиях, как с точки зрения общих социально-культурных, так и конкретных индивидуальных параметров его реализации и инстанции (Кубрякова, Цурикова, 2004).

Язык как факт и инструмент культуры нации выступает средством стабилизации «модели мира» наполняющих её с ценностей. В нем находят отражение ценности и идеалы нации, зафиксированные во фразеосистема языка, в его лексике и грамматике. В условиях определенного типа дискурса, преследующего конкретные цели и задачи, человек вынужден пересматривать содержание-когнитивных структур знания соответственно условиям дискурса, обеспечивая таким образом «перекраивание» «модели мира».

Ценность лежит в основе оценки явлений действительности. Процесс формирования оценочных смыслов связан с процессами категоризации и концептуализации. Условно выделяют два типа категоризации: естественную и оценочную (функциональную, интерпретативную, модусную). Оценочная категоризация заключается в мысленном соотношении объекта с определенной аксиологической шкалой. Отличие между двумя типами категоризации заключается в том, что в их основе лежат разные способы восприятия и осмысления окружающего мира: естественная и ценностная картина мира соответственно, физический мир и его идеализированная модель, а также дифференциация коллективного, универсального и личного, индивидуального опыта и знаний человека (Болдырев, 2002, 2006, 2009). Результатом оценочной категоризации являются оценочные категории и концепты особого типа - модусные.

Хорошо известно, что в современном научном дискурсе концепт осмысляется как оперативная единица сознания, которой человек оперирует как гештальтом, то есть готовым пучком признаков, объединенных мыслью в одно целое. Основной функцией концептов

признается замещающая функция. Благодаря этому свойству концепты, как и знаки, могут замещать в мыслительной деятельности разные по своему объему и своей сложности структуры знаний, мнений, оценок. Концепт чаще всего представляется как некоторое полевое образование, имеющее центр и периферию, при этом в центре находятся общие, коллективные признаки, а специфические на периферии. Несмотря на специфику представляемых разными учеными моделей структуры концепта большинство исследователей вычлениют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки. Под понятием «дополнительные за признаки» разные ученые понимают и ценностный компонент, и эмоциональную оценку, и другие признаки.

Модусные концепты разделяют основные характеристики концепта, но при этом имеют ряд особенностей. Специфика модусных концептов заключается в том, что они объединяют представления об объектах не по их физическим свойствам, а по их воздействию на человека, по степени их соответствия собственной шкале ценностей индивида, существующим в его сознании стандартам. Следовательно, их структура не отвечает требованиям однородности. Модусные концепты представлены понятийно и описательно в виде набора тех или иных характеристик, в виде стереотипов, норм. Представляющий для нас особый интерес лингвокультурный концепт WORK отличается акцентуацией ценностного компонента. Он представляет собой единицу коллективного знания, отправляющую к высшим духовным ценностям, имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой. Лингвокультурный концепт в •концентрированном виде содержит оценочный кодекс той или иной лингвокультуры. В появлении лингвокультурных концептов реализуется интерпретирующая функция человеческого сознания, которая проявляется, например, в создании научных терминов (cf.: НАУКА, КУЛЬТУРА), обобщенных названий ценностей лингвокультуры (cf.:

LOVE, ТРУД, СЧАСТЬЕ, ДОЛГ и др.). В этом плане лингвокультурные концепты обнаруживают ту же специфику, что и модусные категории и концепты, - зависимость, релятивность по отношению к другим когнитивным областям, служащим источником их формирования, что содержательно сближает их с модусным типом концептов. Лингвокультурный концепт WORK предстаёт частью «модели мира» американской нации и представляет собой единицу коллективного знания, этнокультурного знания, квалифицирующего «деятельностную» сторону индивида и составляющего поле сознательных действий. Сценарий концепта WORK структурируется по схеме действия, элементами которой, являются: субъекты трудовой деятельности, цель работы, инструмент, объект воздействия, работа и результат работы. Данный сценарий предстает как тезаурус когнитивных признаков, которые конкретизируются, переосмысляются и приращивают новые смыслы в различных типах дискурса. Спецификой исследуемого концепта является то, что в системе языка он номинирован абстрактным именем work, за которым стоит семантический комплекс, сопротивляющийся жесткому дефинированию. В процессе исследования было установлено, что структура лингвокультурного концепта WORK, номинируемого в системе языка абстрактным именем, представляет собой когнитивную матрицу, компонентами которой выступают когнитивные признаки собственно концепта WORK, концепта LABOR и концепта JOB. Понятийный компонент концепта WORK включает следующие когнитивные признаки концепта LABOR: «работа - тяжелый физический труд», «цель работы — выживание», «работник физического труда», «предпринимательство как форма индивидуализма работника». Одним из основных образов, ассоциирующихся с тяжелой работой, является образ «лошади» как терпеливого и усердного животного. Отмечается наличие соматических образов. Идиоматизации подверглись те части человеческого тела, которые в наибольшей степени страдали при выполнении тяжелой физической

работы. Встречаются и другие образы, например, образ собаки, образ раба, образы из греческой мифологии. Ценностное отношение к тяжелой работе формируется в результате функциональной категоризации. Осуществляя трудовую деятельность, человек удовлетворяет, в первую очередь, витальные потребности: в пище, тепле, одежде. В аксиологический компонент входит информация о проявлении терпения и уважительного отношения к труду. Труд мыслится как Божий дар, поэтому работой нельзя пренебрегать. Свобода закрепляет за работником индивидуальную ответственность, как за результаты труда, так и за неудачу, а также поощряет предпринимательство и риск. Понятийный компонент концепта WORK включает когнитивные признаки, разделяемые с концептом JOB: «работа — регулярный физический или интеллектуальный труд», «цель работы - получение денежных средств», «работа - любимое дело», «работник физического или интеллектуального труда» (предполагает квалифицированного работника, имеющего специальное образование, навыки и опыт работы), «индивидуализм работника как инструмент самореализации и изменения социального статуса», «работник как член команды», «оценка результата работы: успех/ неудача», «инструменты трудовой деятельности: ручные/ механические». Достаточно сложно вывести образный компонент, который состоит из нескольких образов: «синий воротничок» — работник, занятый физическим трудом на производстве, «белый воротничок» — работник, занятый интеллектуальным трудом в офисе, банке, «розовый воротничок» - работник женского пола, занятый определенным видом трудовой деятельности. В основе ценностного отношения к работе лежит возможность удовлетворить потребность в уважении (ego needs), связанную с социальным статусом работника. Все три концепта WORK, LABOR и JOB являются отдельными концептами различного объема и степени абстрактности, сопряженные друг с другом в национальной «модели мира». Такая структура концепта WORK результат гибкости

структур знания динамичности значения. Когнитивная матрица концепта WORK, реконструированная в системе языка, является стратегической структурой концепта, которая может подвергаться трансформациям под воздействием целей и задач конкретного типа дискурса. Так, цель дискурса «производственного» романа, включающего стратегии художественного дискурса и социального рекламного - дискурса - вскрыть взаимоотношения между философскими категориями: человеком и работой. Причем специфика этих взаимоотношений состоит в том, что человек осознает себя через работу. В центре дискурса «производственного» романа находится не любая трудовая деятельность, а только та, которая может быть названа профессией: врач, юрист, пилот, менеджер высшего звена. Дискурс «производственного» романа является частью массовой культуры, поэтому он конструируется как художественная реальность из существующих в культуре стереотипов, идеалов, образцов. Стереотип, как и концепт, является единицей ментально-вербального комплекса, формой «деятельностно ориентированного знания, функционирующего как средство направленного воздействия на сознание и поведение индивида и целых социальных групп» (Пищальникова, 1999). Одним из значимых компонентов в структуре стереотипа является эмоционально-оценочный компонент, связанный со стереотипизацией культурно значимой информации для определенного лингвокультурного сообщества. Стереотип формируется на базе концепта. Однако в отличие от концепта, являющегося принципиально нестабильным элементом концептуальной системы индивида, стереотип обладает большей стабильностью. В стереотипе максимально стандартизировано содержание языкового компонента: определенному стереотипу соответствует стандартный набор средств - клише, репрезентирующих его содержание в тексте и направляющих восприятие реципиента. В данном случае рассматриваются не столько речевые клише (лингвистический подход), а клише сознания (психологический подход). Клише когнитивны: это значит, что не

фонетико-звуковая форма апеллирует к конкретному стереотипу, а слово апеллирует к конкретному значению и направляет ассоциацию реципиента к существующему в культуре стереотипу. Концепт WORK в дискурсе «производственного» романа актуализирует преимущественно те когнитивные признаки, которые он разделяет в системе языка с концептом JOB. Отличительной особенностью актуализации концепта WORK в дискурсе «производственного» романа является "иерархия ценностей работника: на первый план выносятся не потребность в уважении, связанная с повышением социального статуса, хорошей оплатой труда, а потребность в самоактуализации, понимаемая как вызов своим силам, знаниям, умениям. В дискурсе «производственного» романа реконструируются следующие когнитивные признаки концепта WORK: понятийный компонент «работа - тяжелое моральное испытание», «работа - любимое дело», «цель работы — получение денежных средств», «квалифицированный работник (образование, навыки, опыт, постоянно обновляемые и пополняемые знания)», «работник — член коллектива/братства», «индивидуализм работника», «работник — предмет торга». Основные образы, ассоциирующиеся в художественных произведениях с работой — это образ «игры» и образ «войны». Ценность работы связана с удовлетворением потребности в уважении и потребности в самоактуализации. Появление когнитивного признака «работник — предмет торга» в структуре концепта WORK, актуализируемого в дискурсе «производственного» романа, связано с историческими изменениями в США - господством культуры массового потребления и глобального рынка, где предметом торга становятся не материальные, а идеальные сущности. Работа не становится исключением, она переходит из разряда идеальных объектов в предмет купли - продажи и, как любой предмет купли-продажи, подлежит рекламе. Реклама совмещает черты идеолого-манипулятивного типа дискурса и «торговой речи», предполагая присутствие двух участников коммуникативной ситуации: продавца и

покупателя. Торг как часть рыночной системы играет одну из ключевых ролей в культуре американской нации. Принятые и влиятельные в американском социуме правила-рамки -это правила экономического (контрактного, договорного) взаимодействия, в сердцевине которого находятся обменные отношения. В рекламном дискурсе проанализированных объявлений о найме на работу концепт WORK реконструируется в рамках наметившейся в художественном дискурсе и получившей развитие в рекламном дискурсе метафорической модели торга. Причём в рекламе её реализация проходит по двойному сценарию. В рамках первого сценария действующими лицами являются: работодатель как продавец вакансии и соискатель как покупатель вакансии. Предметом торга выступает работа, конкретная вакансия в той или иной американской фирме. В рамках второго сценария действующими лицами являются: работодатель как покупатель работника и соискатель как продавец своих знаний, умений, навыков. Предметом торга является собственное *Я* потенциального работника. Основными элементами сценария «торг» являются «участники», «товар» и «цель торга». В процессе исследования было установлено, что в рекламном дискурсе концепт WORK приобретает характерные черты имиджа как когнитивной структуры знания, формируемой на базе стереотипа, заимствованного из художественной литературы и переосмысленного в рамках метафорической модели торга. Вариативность концепта WORK базируется на признании принципа многовариантности и многопричинности явлений действительности, что предполагает, что одно и то же ментальное образование может актуализировать и формировать из уже имеющихся когнитивные признаки концепта, соответствующие целям и условиям конкретного типа дискурса. Вариативность базовых концептов культуры становится возможной благодаря их специфичной структурной организации. Установлено, что структурно концепт WORK организован в виде стратегического сценария, представляющего собой пакеты информации, хранимые в памяти или

создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов, которые обеспечивают адекватную для конкретной ситуации стратегию поиска оптимальных вариантов вербализации. Начало XXI века характеризуется существенными изменениями в американской национальной «модели мира», затронувшей такие ее базовые концепты как концепт WORK. Учитывая тот фактор, что США распространяют идею глобализации, особенно важным становится изучение базовых концептов культуры США, что позволяет смоделировать возможные способы трансформации концепта WORK и на основе полученных данных прогнозировать основные тенденции эволюции данного концепта. Проведенное исследование позволило приблизиться к решению проблемы взаимодействия языка, сознания и культуры, к определению роли оценочной категоризации и концептуализации окружающей действительности. На основе выработанной в диссертации модели описания вариативности концепта WORK возможно проведение аналогичных исследований в других типах дискурса. Так, не менее интересным и перспективным представляется исследование концепта WORK в дискурсе самопрезентации на основе предложенной метафорической модели торга, где предметом торга выступает собственное Я соискателя.

5.0 Библиография

I. Ўзбекистон Республикаси Қонунлари

1. Ўзбекистон Республикасининг Конституцияси. - Тошкент: Ўзбекистон, 2014.
2. “Таълим тўғрисида”ги Қонун, 1997 й.
3. “Кадрлар тайёрлаш Миллий дастури”, 1997 й.

II. Ўзбекистон Республикаси Президентининг фармон ва қарорлари

4. “Олий таълим муассаларининг моддий - техник базасини мустаҳкамлаш ва юқори малакали мутахассислар тайёрлаш сифатини тубдан яхшилаш чора - тадбирлари тўғрисида” ги 2011 йил 20 майдаги Президент Карори
5. Ўзбекистон Республикаси Президентининг ПК-1717-сонли «Мустаҳкам оила йили» Давлат дастури. 2012 йил 27 февраль.
6. “О мерах по дальнейшему совершенствованию системы подготовки и укомплектования квалифицированными педагогическими кадрами средних специальных, профессиональных образовательных учреждений” ПП-1761 от 28 мая 2012 года
7. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 2012 йил 27 февралдаги 14-сонли Риёсат йиғилиши қарори билан тасдиқланган “Республика давлат идоралари ва таълим муассасаларида ахборот - коммуникация технологияларидан фойдаланиш даражасини ошириш бўйича кўшимча чора - тадбирлар

III. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси қарорлари ва Ўзбекистон Республикаси вазирликларининг ҳуқуқий - меъёрий ҳужжатлари

8. Вазирлар Маҳкамасининг 1998 йил 5 январдаги “Узлуксиз таълим тизими учун давлат таълим стандартларини ишлаб чиқиш ва жорий этиш

тўғрисида”ги 5 - сонли Қарори.

IV. Ўзбекистон Республикаси Президенти асарлари

9. И.А.Каримов. Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. Доклад на первой сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан второго созыва от 22.01.2000 г. Т. Узбекистан Т.8.-С-322-340

10. И.А.Каримов Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. Ташкент 1998. Стр. 156-168

11. Каримов И. А. «Ўзбекистон мустақилликка эришиш остонасида»/- Т. Ўзбекистон, 2012. -93 б, 436 б.

12. Каримов. И.А 2012 йил Ватанамиз тараққиётини янги босқичга кўтарадиган йил бўлади. - Т.: “Ўзбекистан”, 2012.-36 б.

13. Каримов И.А. «Юксак билимли ва интеллектуал ривожланиш авлодни тарбиялаш - мамлакатни барқарор тараққий эттириш ва модернизация қилишнинг энг муҳим шарти» мавзусидаги халқаро конференциянинг очилиш маросимидаги нутқ // Халқ сўзи, 2012 йил 18 февраль.

V- Халқаро адабиётлар ва веб сайтлар

14. “Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment” Council for Cultural Cooperation Education Committee. Modern Languages Division.

15 . www.cefr.org; www.examenglish.com; www.teachingenglish.org.uk; www.learnenglish.org.uk; www.uzeducation (yahoo.com)

VI. ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

16. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно - семитологические аспекты лингвокультурологии. Текст./ Н.Ф. Алефиренко// Вопросы когнитивной лингвистики. 2006.-№1. -С.36-44.
17. Анисимова Е.Е. Коммуникативно-прагматические нормы. Текст./ Е.Е. Анисимова// Филологические науки 1998 №6 С 64-69.
18. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса. Текст канд. филол. наук": 10.02.19 / Е.А Артемова Волгоград, 2002. С - 182 .
19. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии методика их выявления. Текст./ А.П. Бабушкин “Методология когнитивных исследований” под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001 - С 52- 57
20. Батурина Л.И. Особенности восприятия рекламы в России на современном этапе (ретроспективный анализ рекламных клипов) Текст; дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.И. Батурина. - М., 2000. 168 с.
21. Беляевская Е.Г. Понятие коннотации с когнитивной точки зрения. Текст Е.Г. Беляевская// “Концептуальное пространство языка”/ Сборник научных трудов” / под ред. проф. Е.С. Кубряковой. Тамбов, 2005. - С. 53-66.
22. Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании. Текст. Н.Н.Болдырев// “Логический - анализ языка”. Языки пространств/ отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. - С. 212-216.
23. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Текст. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во Тамб. К-та, 2001.С - 123 .
24. Болдырев Н.Н. Концепты и значение слова. Текст. Н.Н. Болдырев// “Методология когнитивных исследований” под И.А. Стернина. — Воронеж, 2001а.- С. 25-35.

25. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий. Текст./ Н.Н. Болдырев// С любовью к языку: Сборник научных трудов. М.; Воронеж: ИЯРАН, Воронеж, гос. ун-т, 2002 а. - С. 103-114.
26. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания. Текст. Н.Н. Болдырев// Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. - №2 (008). - С. 5-22.
27. Бенедиктова Т.Д. «Разговор по-американски: дискурс торга в литературной традиции США» Текст./ Т.Д. Бенедиктова. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С - 328 .
28. Вендина Т.Н. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) Текст./Т.И. Вендина. М.: Изд-во «Индрик», - 1998.С - 238 .
29. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Текст./ А. Вежбицкая. М.: Русские словари, 1997. С — 416 .
30. Власова, С.А. Концепт "LIFE" в современной англоязычной культуре. Текст автореф. канд. филол. наук: 10.02.04 / С.А. Власова. - Иркутск, 2003. С - 17 .
31. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Текст. Е.М Вольф. - М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
32. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. Текст. С.Г. Воркачев // Вопросы языкознания. 2001. —№1. - С. 64- 72. С.Г. Дискурсивная вариативность лингвоконцепта (1): любовь-милость. Текст./ С.Г. Воркачев// Известия РАН. Серия литературы и языка. -2005. том 64. - № 64. - С. 46-55.
33. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М. Изд-во народов», 2008.С - 340 .
34. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход. Текст: дис. докт. филол. наук: 10.02.19/ Т.А. Воронцова. — Челябинск, 2006.С - 296 .
35. Выготский Л.С. Мышление и речь: сборник/Лев Выготский; предисл.,

- сост.: Е. Красная. Москва: АСТ: Хранитель, 2008, 668 с.
36. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос Текст./ Г.Д. Гачев. М.: Прогресс-Культура, 1995. С - 480 .
37. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и славянством Текст./ Г.Д. Гачев. М.: Раритет, 1997. С - 680.
38. Глинчевский Э.И. Средства речевого воздействия в языке СМИ. Текст. Э.И. Глинчевский // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. - № 4. - С. 18-27.
39. Гудавичюс А.Й. Принципы построения и содержание сопоставительной семасиологии (на материале русского и литовского языков). Текст: автореферат докт. филол. наук/ А.И. Гудавичюс. - М., 1989. 39 с.
40. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры Текст./ В. фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 1985. С - 450.
41. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию Текст./ В.фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 2001. С - 400 .
42. Гуревич П.С. Человек и его ценности. Текст./ П.С. Гуревич // Человек и его ценности: Сборник статей. — М., 1988.
43. Гоннова Т.В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании Текст. : дис. канд. филол. наук : 10.02.19 / Т.В. Гоннова. Волгоград, 2003. С - 210.
44. Гоннова Т.В. Языковое самосознание и концепт «труд» Текст. Т.В. Гоннова Концептуальное пространство языка: Сборник научных трудов / под ред. проф. Е.С. Кубряковой. Тамбов, 2005. - С. 459-463.
45. Давыдов В. Значение творчества Л.С.Выготского для современной психологии. Текст./ В. Давыдов// Советская педагогика. 1982. №6.
46. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Текст./ Т.А. ван Дейк - М.: Прогресс, 1989. С-312.
47. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке. Текст./ В.З. Демьянков// Вопросы филологии. 2001, №

1(7).-С. 35-46.

48. Добросклонская Т.Т. Роль СМИ в динамике языковых процессов. Текст./ Т.Т. Добросклонская // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. -№3. - С. 38-54.

49. Донец П.Н. К типологии стереотипов. Текст./ П.Н. Донец// Социальная власть языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. - С 183-188.

50. Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений. Текст./ А.А. Залевская// Вопросы языкознания. 1999. - №6. с. 31-42.

51. Залевская А.А. Языковое сознание и описательная модель языка. Текст./ А.А. Залевская // Методология современной психолингвистики: М: 2000.

52. Калашникова Л.В. Метафора средство интерпретации действительности/ Л.В. Калашникова// Понимание в коммуникации. 2005: тез. докл. междунар. науч. конф. — М.,2005. - С. 36-37.

53. Калужный А.А. Социально-психологические основы имиджа учителя Текст.: автореф. дис. докт. псих. наук/ А.А. Калужный. Ярославль, 2006.- 1с.

54. Карасик В.И. Культурные концепты: проблема ценностей. Текст./ В.И. Карасик//Языковая личность: культурные концепты: Сборник научных трудов / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. — С. 3 - 15.

55. Карасик В.И. Язык социального статуса. Текст./В.И. Карасик. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. С - 333.

56. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Текст./В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. С-407 с.

57. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания. Текст./В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин// Методология современной психолингвистики: Сборник статей. — Москва; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. С. 50-57.

58. Карасик В.И. Этноспецифические концепты. Текст./ В.И. Карасик// Введение в когнитивную лингвистику/ отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. - С. 61-105.
59. Карасик В.И. Иная ментальность. Текст./В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Л.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. М.: Гнозис, 2005. С - 352.
60. Каримова Р.Х. Концепт труд/ лень в паремиологии неродственных языков (на примере немецкого, английского, русского, башкирского и татарского языков). Текст: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Р.Х. Каримова. Уфа, 2004. С - 23.
61. Кацнельсон С.Д. Категория языка и мышления: из научного наследия Текст./ С.Д. Кацнельсон. — М.: Языки славянской культуры, 2001. С - 864.
62. Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию. Текст./ О.А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. №2 (008). – С. 90- 100.
63. Ковский В. Живое произведение или «шкала ценностей». Текст./ В. Ковский// Вопросы литературы. 1973. - №2. - С. 139 -149.
64. “Методология когнитивных исследований” . И.А. Стернина. Воронеж, 2001 - С 55- 57
65. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Сер, языка и литературы, 1999, т.58, №5-6.